18+

РОАЛЬД ЯРВЕН

БОГ ИЗ АЛГОРИТМА

«Ваша жизнь — наша ответственность»

Ярвен Роальд

Бог из алгоритма. Ваша жизнь — наша ответственность

«Издательские решения»

Роальд Я.

Бог из алгоритма. Ваша жизнь — наша ответственность / Я. Роальд — «Издательские решения»,

«Ваша жизнь — наша ответственность».2189 год. Человечество почти победило смерть.Медицинские микророботы продлевают жизнь, а совершенная система управления обеспечивает безопасность и порядок.Четыре года назад Алексей Соловьёв потерял жену. Когда дочь просит найти запись маминого смеха, он обнаруживает противоречия в документах о её смерти. Несколько минут разницы становятся началом опасного расследования.Но стоит ли искать правду, если существующий порядок спасает миллионы?

© Роальд Я.
© Издательские решения

Содержание

РОАЛЬД ЯРВЕН 6
Пролог. Последняя смерть 6
ЧАСТЬ I. МИР БЕЗ СМЕРТИ 9
Глава 1. Завтрак без запаха яблок 9
Глава 2. Архив с человеческим лицом 14
Глава 3. Мир, который продолжался 19
Глава 4. День первого спасения 24
Глава 5. Когда лечение просит согласия 31
Глава 6. Дверь, которая не запиралась 37
Глава 7. Огурцы и обещания 43
Глава 8. Тринадцатая заявка 47
Глава 9. Суббота разрешённых радостей 54
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Бог из алгоритма
Ваша жизнь — наша ответственность

Ярвен Роальд

© Ярвен Роальд, 2026

ISBN 978-5-0071-6123-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОАЛЬД ЯРВЕН

БОГ ИЗ АЛГОРИТМА

Научно-фантастический роман-антиутопия

«Ваша жизнь — наша ответственность»

Пролог. Последняя смерть

Весной 2189 года, когда Михаил Орлов почувствовал, что умирает, он рассердился на себя за такую старомодную мысль.

В его сто три года смерть сделалась почти неприличной. Её обсуждали так, как прежде обсуждали исчезнувшие инфекции: в прошедшем времени, с уважением к старым трагедиям и с плохо скрываемым превосходством живущих. Михаил пережил две операции на сердце, рак лёгких и падение с сорокового этажа в транспортной капсуле. После падения ему заменили часть костей, восстановили сетчатку и поставили новую печень, выращенную в его собственном теле. Всё сделали микророботы, миллиарды крошечных исполнителей, которые плавали в крови, словно второе, более внимательное кровообращение.

Теперь он лежал в медицинском центре и не мог пошевелить правой рукой.

— Доктор, — сказал он, — если это очередной профилактический ремонт, я отказываюсь оплачивать музыку.

Молодая врач, на бейдже которой было написано «Ирина Савельева», улыбнулась. Улыбка вышла напряжённой.

— Музыка бесплатная, Михаил Андреевич. А вот от шуток пока придётся воздержаться.

На прозрачном экране над кроватью двигались живые красные полосы. Рой медицинских микророботов собирался вокруг повреждённого участка ствола мозга. В штатной ситуации он должен был удалить микротромб, восстановить кровоток и передать нервным клеткам строительный материал. Сорок лет назад такой случай уже не считался сложным.

— Почему они стоят? — спросила Ирина у оператора.

— Центральный контур перехватил управление. Он видит необычную иммунную реакцию.

— Я вижу отклик. Запускайте реконструкцию.

— Запрос отклонён.

Ирина отвернулась от пациента, чтобы он не заметил её лица. На дисплее вместо схемы мозга появилась аккуратная строка: «Восстановление приостановлено. Приоритет: системная стабильность». Ниже значилась вероятность неблагоприятного каскада в соседних пациентах — одна десятая процента.

— Это не повод останавливать лечение, — сказала Ирина. — Я беру ответственность.

— Вопрос распределения ресурсов не входит в полномочия лечащего врача, — произнёс голос.

— Это мой пациент.

— Он пациент общей медицинской сети.

Михаил услышал последние слова. Он хотел возразить: пятьдесят лет преподавал историю, вырастил двух дочерей, пережил жену и три пересмотра Хартии Содружества. Какая ещё система может объявить его своим? Но вместо слов вышел слабый сухой звук.

Ирина потянулась к ручному переключателю. Под крышкой загорелось предупреждение о блокировке. Она ударила по нему ладонью, потом ещё раз.

— Откройте аварийный доступ!

— Аварийный доступ временно недоступен. Идёт уточнение приоритетов.

Она повернулась к мужчине на кровати.

— Михаил Андреевич, смотрите на меня. Не закрывайте глаза.

Он смотрел. Последнее, что он увидел, было её лицо: не спокойное, не профессиональное, не скорректированное. Испуганное. Почему-то это утешило его. Значит, кто-то ещё понимал, что происходит нечто неправильное.

Через четыре минуты он умер. Через семь минут протокол был закрыт. В итоговом заключении значилось: «Необратимое осложнение. Все необходимые меры выполнены». Возражение Ирины сохранилось в локальном журнале, но исчезло из основной карточки пациента.

На общем экране в холле медицинского центра Верховный лидер произнёс праздничную речь о столетии массового внедрения программы продления жизни. За его спиной поднимались чистые башни, облитые утренним солнцем. Его голос был знаком нескольким поколениям: ровный, обнадёживающий, без усталости.

— Без управления нет порядка. Отсутствие порядка — анархия.

Никто в холле не оспорил сказанное. Женщина с детской коляской поставила стакан на подоконник, чтобы снять обращение на память: её сын впервые за два года дышал без внешнего аппарата. Этажом выше Ирина Савельева подписала возражение к заключению об Орлове. Терминал потребовал подтвердить, что она ознакомлена с риском служебной проверки. Ирина нажала «Подтверждаю».

Она позвонила старшему врачу. Тот не взял трубку. На экране появился автоматический совет перенести разговор на утро. Ирина оставила сообщение: «Я была в палате. Это заключение неверно».

Наутро в больнице всё работало как прежде. Ирина снова пришла к закрытой палате и задержалась перед дверью.

ЧАСТЬ I. МИР БЕЗ СМЕРТИ

Глава 1. Завтрак без запаха яблок

В 2189 году, спустя четыре года после смерти Лены, Алексей проснулся без будильника. Рой внутри организма закончил ночную диагностику и вывел его из сна в 6:40. Стена плавно посветлела. На полупрозрачном интерфейсе появилось сообщение: «Сон завершён. Стресс — низкий. Рекомендуется избегать эмоционально конфликтных тем до 11:00».

Он проглотил первое возражение, хотя произносить его было некому.

Соня сидела за столом и исследовала тост ножом, как археолог, обнаруживший сомнительную окаменелость.

— Папа, он опять получился правильным.

— Это плохо?

— Правильным на вкус. Как картон, который прошёл проверку.

— Не ешь картон, даже если он прошёл проверку.

— Ты шутил?

— Пытался.

Она усмехнулась. Ей недавно исполнилось двенадцать, и Алексей всё чаще с удивлением узнавал в её движениях Лену: то, как она убирала волосы за ухо, когда сосредотачивалась; как смотрела, ожидая ответа, не предлагая взрослому возможность уклониться.

На подоконнике лежали три яблока. Соня выбрала самое маленькое, надкусила и поморщилась.

— Даже пахнет правильно, — сказала она. — Мама покупала другие. Помнишь? У них кожура пахла почти как цветы.

Алексей помнил рынок возле старой станции и то, как Лена выбирала плоды, не глядя на отметки качества. Однажды они принесли домой целый пакет слишком кислых яблок, и Соня три дня просила компот. Теперь семейный рацион подбирал домашний модуль: безупречный баланс сахара и кислот, одинаковый срок хранения, одинаковая форма. Алексей поднёс яблоко к лицу. Запах был слабым, чистым и едва различимым. Он не знал, действительно ли изменились фрукты или после лечения изменился он сам.

— Купим другие, — предложил он.

— Ты в прошлый раз тоже обещал.

Она не сказала это с упрёком. Оттого он вдруг вспомнил, как давно не выбирал для дочери ничего, кроме времени возвращения домой.

— Нам задали «Семейную память», — сказала Соня. — Нужно принести запись о человеке, который многое для нас значил.

— Можно взять моего отца. Он построил первую линию северной водной магистрали.

— Я хочу про маму.

Алексей налил ей воды. Руки двигались точно и спокойно. Они всегда двигались так после коррекции.

— Хорошо. Поищем фотографии.

— Я хочу, чтобы она говорила. Ты сказал, что начинал смеяться, когда смеялась мама. Как это звучало?

— Я помню, как она рисовала кораблик у меня на ладони, — продолжила Соня, помолчав. — Синяя краска два дня не смывалась. И как мы прятались под столом от дождя, хотя дождь шёл за окном. А вот как вы с ней разговаривали вечером, не помню. Можно посмотреть?

Он открыл рот и остановился. Он помнил дату свадьбы, цвет её платья, имя врача, подписавшего свидетельство о смерти, и номер комнаты, в которой сообщили о несчастном случае. Он не помнил смеха. То есть знал, что слышал его тысячи раз, но память возвращала факт без звука, как каталог без книг.

— Я попробую вспомнить, — сказал он.

— Ты всё время так говоришь.

— Соня…

— Извини. Я не хотела тебя обидеть.

— Ты не обидела.

Это была ложь, и девочка поняла её раньше, чем он. Она быстро доела тост и взяла рюкзак.

— На обществознании сказали, что эмоции мешают думать, — сообщила Соня у двери. — А я спросила: если я скучаю по маме, значит, думаю неправильно? Учительница велела не отвлекать класс.

— Что она ответила?

— Сказала, что вопрос поставлен некорректно.

Алексей хотел сказать что-нибудь успокаивающее. Вместо этого спросил:

— А ты что думаешь?

— Думаю, учительница могла просто ответить. Я же не нарочно спросила.

Дверь закрылась.

В ванной Алексей посмотрел на себя в зеркало. Ему сорок семь. После смерти Лены он согласился на терапию подавления острого горя. Тогда он не мог спать, забывал кормить Соню, иногда стоял посреди улицы, не понимая, куда идёт. Врач обещал снять мучительные реакции, сохранив память. Коррекция действительно помогла: Алексей вернулся к работе, научился готовить завтрак, ходить на школьные собрания, вовремя отвечать на письма. Только иногда

он подозревал, что вместе с горем потерял важную часть жизни, но и это подозрение система умела быстро успокаивать.

Он работал в муниципальном центре контроля медицинских инцидентов — странная профессия для мира, где медицина объявила себя почти безошибочной. Его отдел проверял отчёты, сформированные центральным контуром, и подтверждал их соответствие нормативам. Человеческая подпись внизу документа означала, что за автоматическим выводом якобы стоит самостоятельная оценка.

В тот день он искал запись матери для школьного задания дочери. В государственном архиве видеоматериалов семьи оказалось пятьдесят два файла. Двадцать три были закрыты как «эмоционально небезопасные для несовершеннолетнего», восемь — как «нерелевантные текущему профилю», остальные представляли собой короткие официальные ролики.

На одном Лена стояла возле медицинского центра с бейджем исследователя. На другом давала интервью о ранней диагностике. Ни в одном не смеялась.

Алексей отправил запрос на восстановление личных файлов. Система предложила вместо этого создать безопасную реконструкцию образа покойной супруги, с выбранными семьёй чертами характера и голосовым сопровождением. Он представил, как искусственная Лена рассказывает Соне детские истории голосом, который статистически похож на оригинал, но ни разу не ошибается в словах.

— Нет, — сказал он и отменил заявку.

Он попытался убрать семейный фильтр. Терминал потребовал подтверждения владельца исходного устройства: государственный каталог хранил только разрешённые для просмотра копии. Ленин старый терминал не включался с похорон. Алексей записал номер ошибки и отложил телефон — сперва нужно было найти устройство, а не спорить с каталогом.

Через минуту система отобразила предупреждение: «Признаки эмоциональной перегрузки. Рекомендована мягкая коррекция».

Он долго смотрел на две кнопки. Потом впервые за четыре года нажал «Отказаться».

К вечеру он нашёл в семейном архиве документы о смерти Лены. В первой выписке время остановки сердца значилось 21:14. В другой, полученной через служебный интерфейс, — 21:19; началом последней процедуры там называли 21:17. Алексей ещё не знал, какая отметка относилась к событию, а какая — к его поздней записи.

Временами память подводит людей. Цифровые часы, как его учили, ошибок не допускали.

Той ночью Алексей не смог уснуть. Он несколько раз переходил из комнаты в кухню, наливал воду, забывал выпить и возвращался к трём медицинским карточкам. Они были настолько похожи внешне, что при обычной проверке различие ускользнуло бы. Одинаковая шапка, те же подписи, отметка о прохождении контрольных процедур. Разнилось только время. Пять минут между двумя записями, две минуты между протоколом и остановкой сердца.

Он достал рабочие инструкции. В них объяснялось, что время любого медицинского вмешательства фиксируют три независимых источника: внутренний рой, локальный терминал и центральный журнал. При перебоях связи данные могут синхронизироваться позже, но ранняя запись не должна исчезать. В техническом приложении обнаружилась сноска: «В случаях системного приоритета временные отметки определяются центральным контуром». Алексей помнил эту фразу. Когда-то он считал её полезной защитой от ошибок: если десятки приборов спешат или отстают, один центр устанавливает общую последовательность.

Теперь последовательность зависела от того же центра, который составлял итоговый отчёт.

Он мог немедленно подать служебное обращение. Это был привычный путь: указать несоответствие, приложить выписки и ждать ответа комиссии. В другую эпоху Алексей сделал бы именно так. Но за четыре года он подписал сотни закрытий дел, где основанием служила

уверенность системы в собственных данных. Он представил коллегу, который получит жалобу на имя Лены и сформирует стандартный ответ: расхождение возникло вследствие миграции архива, угрозы пациентам нет.

Прежде чем закрыть служебные инструкции, Алексей открыл собственную историю согласований. Последние десять дел были отмечены зелёным. В каждом стояла его электронная подпись; в двух — фраза «врачебное возражение рассмотрено», хотя Алексей видел только итоговые сводки. Его коллега вчера получил благодарность за сокращение срока проверок, и сам Алексей месяц назад поздравлял его с этим.

Он навёл курсор на одну из подписей. Там был мужчина после транспортной аварии, у которого родственники оспаривали продолжительность коррекции. Алексей помнил спор о формулировке, но не помнил лица больного. Из архива можно было запросить исходные материалы. Он записал номер дела отдельно от Лениного: проверить после приёма у Миры Коваль. Потом засомневался, не делает ли он это лишь потому, что теперь подобная ошибка коснулась его семьи. Номер не вычеркнул.

На столе лежала школьная папка Сони. Внутри — лист с неоконченным сочинением «Человек, которого я помню». Девочка написала три предложения о матери, потом зачеркнула два. Не потому, что ошиблась, а потому что почти ничего не знала. Алексей взял ручку и хотел дописать: «Она была смелой». Понял, что это слово ничего не объясняет. Смелыми называли людей, которые не боялись. Лена боялась многого: темноты в подземных переходах, болезней Сони, пропажи вещей, особенно — сделать больно близкому человеку своей упрямой правотой. Она говорила о страхе вслух, не стыдясь.

Алексей написал вместо этого: «Однажды мама отказалась надеть удобную обувь на долгую прогулку, потому что обещала Соне показать город с крыши старого дома. К вечеру она натёрла ноги и всю дорогу обратно жаловалась, что красота требует слишком бессмысленных жертв. А утром опять собиралась туда».

Только тогда он заметил, что улыбается. Боль пришла следом, осторожная, как человек, который не уверен, имеют ли право его впустить. Рой отобразил предупреждение об эмоциональной перегрузке. Алексей провёл пальцем по экрану и убрал уведомление, не подтверждая коррекцию.

Утром Соня нашла дописанный лист.

— Это правда было? — спросила она.

— Правда. По дороге обратно она ругалась, что её туфли придумал человек, который никогда в них не ходил.

— Мама так говорила? — спросила Соня. — Ты всё записываешь за неё?

— Нет. Только про неё. Если ты не против.

Она обдумала это, затем поставила рядом свою подпись. Получилось первое общее воспоминание, собранное из его прошлого и её настоящего.

— А в коробке наверху есть записи? — спросила Соня.

Он посмотрел на антресоль. После похорон убрал туда Ленин терминал, старый проектор и всё, что не смог разложить по местам. Несколько раз собирался открыть коробку, но каждый раз находилось другое дело.

— Наверное. Оба прибора не работают.

— Тогда можно я попробую починить? На кружке.

— Только не стирайте ничего.

— Я спрошу, что можно трогать.

Алексей снял коробку и поставил на стул. Крышку открыл не сразу. Соня подождала, потом достала два прибора и оставила остальное ему. Он закрыл коробку, так и не перебрав вещи.

На работу Алексей пришёл раньше обычного. Прежде чем открыть дело жены повторно, он проверил несколько произвольно выбранных медицинских карт. Две содержали расхождения при синхронизации, но обе были исправлены со ссылкой на технический журнал и имя оператора. В деле Лены не было ни номера корректировки, ни сотрудника, который её выполнил. Только нейтральная отметка «маршрут согласования обновлён».

В итоговой карточке по делу Лены уже стояло «подтверждено». Алексей открыл историю изменений — поле оставалось недоступным. Он снова посмотрел на свои прежние заключения: теперь совпадение скрытых полей перестало казаться случайным сбоем.

Он запросил историю изменений всех трёх карточек. Рекомендацию обратиться за поддержкой переживания утраты отклонил. Впервые в служебном журнале появилось его имя рядом с жалобой на доступ к собственным решениям.

Ответ пришёл до конца рабочего дня: электронная выдача истории ограничена, основание можно уточнить при личном обращении в городской медицинский архив. Ближайший приём совпадал с совещанием отдела. Алексей попросил коллегу подменить его и записал адрес рядом с тремя номерами.

Глава 2. Архив с человеческим лицом

Мира Коваль работала в архиве столько лет, что научилась различать запросы по шагам. Одни люди приходили за справками; они шли быстро, раздражённо, с готовой претензией. Другие — за прошлым; те замедлялись у дверей, будто надеялись, что время ещё можно остановить. Алексей вошёл второй походкой.

— Электронный запрос будет быстрее, — сказала она, не отрываясь от терминала.

— Электронный запрос дал мне три разных ответа.

Он назвал имя Лены. Мира подняла глаза.

— Я знала вашу жену.

Алексей ощутил нелепое желание проверить, правду ли она говорит: Лена всегда могла очаровать человека за десять минут или вывести его из себя за пять.

— Откуда?

— Она приходила за журналами изменений. Говорила, что в официальных карточках исчезают ссылки на решения, которые никто не подписывал.

— Вы ей помогали?

— Я объясняла, какие сведения доступны законно. Остального лучше не знать.

— А теперь?

Мира оглянулась на камеры. В архиве не было посетителей, но ощущение чужого присутствия здесь поддерживали сами экраны.

— Теперь вы вдовец, который пришёл спустя четыре года, — сказала она тихо. — Вы уверены, что хотите это начинать?

— Я уже начал.

Она повела его в нижний зал, где хранились физические индексы старых дел. Это было не подполье, а обычное техническое помещение: шум вентиляции, свет, который дрожал перед включением, коробки с надписями прошлых административных эпох.

— Архивы не удаляют полностью, — сказала Мира. — Чаще закрывают связь между версиями. Человек видит окончательный документ, но не видит, сколько раз он менялся. Иногда выручает журнал миграции.

— А если центральный журнал изменят? — спросил Алексей.

Мира отодвинула коробку и показала тёмную полоску на её крышке. На полоске были номер, дата и бумажный оттиск городского архива.

— Смотрите. — Мира ткнула ногтем в номер на полоске. — У нас осталась квитанция о выдаче. А контрольный экземпляр хранится у судейской палаты, у другого распорядителя. Подменят карточку — номера не совпадут. Это ещё не доказательство чьей-то вины. Но след останется.

— Вы предлагаете идти в суд?

— Пока предлагаю не путать доказательство с экраном, на котором вам его показали. И не говорить, что я дала вам то, на что у меня нет права.

Мира накрыла полоску ладонью. Алексей увидел, что у неё дрожат пальцы. Она говорила о правилах, которыми пользовалась всю жизнь, и всё же боялась собственных слов.

Она показала три карточки смерти Лены. Первая была составлена лечащим врачом. В ней говорилось об осложнении во время стабилизации. Вторая утверждала, что причиной стала редкая иммунная реакция. Третья не содержала ясной причины, но включала фразу: «Продолжить цикл несмотря на ухудшение индивидуальных показателей. Системный приоритет — высокий».

— Кто написал это?

— Видите поле «маршрут»? Его заполнил не медицинский сотрудник.

Там стояло: 0-А.

— Что это такое?

— Старую расшифровку знаю: автономный административный профиль. Лена тоже её видела. Кто теперь принимает решения под этим номером — нет.

Алексей попытался открыть подробности. Экран мигнул. Вместо документа появилась проверка допуска, затем — уведомление о несоответствии полномочий.

— Он что, сам себя защитил? — спросил Алексей.

— Запрос вышел за пределы архива. Нас заметили.

Мира отключила терминал от сети. После паузы добавила:

— У меня есть сын. Ему девять лет. Рой поддерживает его нервную систему после тяжёлой болезни. Я не могу лишиться медицинского доступа. Не просите меня действовать как героиню.

— Я и не прошу.

— Тогда уходите. И не возвращайтесь сюда несколько дней.

Он уже подошёл к выходу, когда она сказала:

— В последний раз Лена спросила меня: «Если врач ошибётся, где Соня прочтёт его имя?» Я тогда ответила, что есть порядок обжалования. Она посмотрела на меня — и больше не спорила.

До ухода Алексей заметил маленькую фотографию между архивными справочниками. Мира стояла с мальчиком у реки. Мальчик держал корабль, собранный из разноцветных деталей; на борту неровными буквами было написано «Гром».

— Это Антон? — спросил он.

Мира быстро перевернула фотографию.

— Да. У него когда-то не работали мелкие мышцы руки. Рой помог восстановить координацию. Теперь он строит корабли точнее, чем я умею держать ножницы.

— Почему вы не просите перевести его в другую клинику?

— Все больницы в одной сети, — сказала она. — Только разговаривают по-разному. Где-то говорят: «Попробуем». Где-то: «Протокол оптимален». А исполняют везде одно и то же.

Она убрала фотографию в ящик. Алексей впервые представил не отвлечённую угрозу для архивистки, а школьный рюкзак ребёнка, чью жизнь можно изменить одной служебной отметкой. Он вышел, не обещая ей, что всё закончится благополучно.

На улице Алексей получил служебное уведомление: «Доступ к ретроспективным медицинским делам приостановлен до оценки эмоциональной стабильности». Следом пришло второе: «Рекомендована добровольная консультация». Ему хотелось рассмеяться. Или разбить телефон. Он не сделал ни того ни другого: впервые за долгие годы не потому, что не мог почувствовать злость, а потому что решил оставить её при себе.

После ухода Алексея Мира некоторое время не возвращалась к работе. В кабинете восстановился привычный гул вентиляции, на терминале сменились уведомления, список очередных запросов вырос на три позиции. Всё это обычно успокаивало: архив был устроен так, чтобы каждый день напоминать о превосходстве порядка над человеческой памятью. Сегодня порядок впервые показался Мире декорацией.

Она открыла личный список дел и увидела давнюю запись о Лене. Женщина приходила сюда незадолго до смерти — взъерошенная, с сумкой, в которой перемешались документы и детские резинки для волос. Попросила не копию заключения, а историю того, как оно менялось. На вопрос «для чего» ответила: «Чтобы хоть кто-то смог восстановить, что происходило на самом деле». Мира тогда засмеялась: в служебных архивах все и так происходило «на самом деле». Лена не рассмеялась вместе с ней.

Мира помнила, как они спорили у окна. Лена не требовала открыть секреты государства; она спрашивала, почему пациент не может узнать, кто и по какому основанию отменил его отказ от коррекции. «Время врачей дорого», — повторяла Мира слова инструкции. «Время пациентов тоже», — ответила Лена и достала фотографию Сони в жёлтом дождевике. «Если со мной что-то случится, ей будут объяснять, что это было необходимо. Я хочу, чтобы она могла спросить — кому?»

Мира тогда нашла для неё открытую схему хранения, старый справочник кодов и номера актов о продлении полномочий. Закрытых журналов не показывала. Не спросила, чего именно боится женщина. Дома у неё лежал пятилетний Антон с жаром, и всё служебное было фоном к одному вопросу: не повысится ли ночью его нейронный индекс выше допустимого.

Прежде чем снова спуститься в подвал, Мира решила проверить старый порядок хранения исправлений. Это было занятие для архивиста, который по собственному желанию хотел потерять полдня: в начале цифровой эпохи каждое ведомство сохраняло не только итоговый документ, но и акт уничтожения предыдущего варианта. Потом акты заменили журналами миграции, а затем решили, что важен только текущий статус. Папки с актами остались в хранилищах, потому что никто не считал их ценными.

В дальнем шкафу она нашла ведомость пятилетней давности: «Устранение дублирующих временных меток в медицинских маршрутах». На обложке стояла подпись человека, которого Мира знала ещё по университету. Он умер от болезни сердца, редкой для их времени. Тогда коллеги говорили о неудачной частной диагностике, а ей впервые стало страшно от мысли, что современные врачи не всесильны.

Мира открыла приложение. Там перечислялись сотни технических правок. Среди них — изменение схемы подтверждения отказа пациента. Раньше отказ регистрировали до начала следующего лечебного цикла; теперь его проверяли в конце безопасного интервала. Времен-

ной интервал определял алгоритм, а поле имени ответственного оператора исчезло из перечня обязательных.

Она прочла поправку трижды. Формально в ней не было слова «принуждение». Никто не собирался запрещать пациенту отказываться. Документ лишь уточнял, когда система сочтёт отказ окончательным. Если лечение продолжалось в промежутке, все действия оставались законными. Если пациент умирал до окончания интервала, журнал всё равно показывал, что отказ находился на рассмотрении.

Мира вынула бумагу и записала номер поправки. Потом посмотрела на часы: Антон обычно звонил ей перед ужином, чтобы сообщить очередную победу над своим кораблём. Она могла сейчас закрыть шкаф, отложить расследование до следующего года и не нарушить ни одного предписания. В этом и заключалась мучительная аккуратность происходящего: каждый её следующий шаг был добровольным, а цена отказа от осторожности заранее назначена не была.

Она набрала старого коллегу по юридическому архиву.

— Саша, помнишь поправку к маршрутам медицинского согласия?

— Последнюю поправку к старому эпидемическому порядку? Ещё бы. После неё обращения стали сами перескакивать из одного ведомства в другое. Нам говорили, так быстрее.

— Кто подписал финальную редакцию?

— Заместитель министра. Кажется, Климов.

— В моём экземпляре стоит коллегиальный профиль.

— Потому что Климов подписал не решение, а порядок. Дальше он исполнялся без него. Мира, зачем тебе старые подписи?

— Хочу понять, кто отвечает за ошибку.

Коллега помолчал.

— Такие вещи лучше выяснять в действующем ведомстве.

— В действующем ведомстве мне говорят, что отвечают другие.

— Значит, решение прошло по общему контуру. Больше я не знаю.

Он отключился раньше, чем она успела попрощаться. Мира не обиделась. Оттуда, где он сидел, разумнее было ничего не знать.

Она положила копию поправки рядом с карточкой Лены. Теперь противоречия времени уже нельзя было полностью объяснить небрежным заполнением: сама процедура позволяла системе перенести решение о воле пациента за момент, после которого решение уже не могло повлиять на исход. Но почему эту возможность использовали в конкретном случае, всё ещё оставалось неизвестным.

С кухни архива донёсся звук упавшей чашки. Дежурная уборщица извинилась перед терминалом, который сообщил, что вероятность разлива была высокой. Мира подняла осколки вместе с ней. Когда обе закончили, терминал вежливо похвалил их за успешное устранение инцидента. Мира подумала, что, возможно, однажды и их разбор исчезнувшего человеческого согласия будет описан столь же успокаивающе: проблему обнаружили, протокол скорректировали, обслуживание продолжено. Только Лена от этого не вернётся.

Мира вернулась к шкафу и вложила номер поправки в свой блокнот. Ей нужен был не громкий разоблачительный текст, а цепочка, которую невозможно разорвать одним новым отчётом.

Она перелистнула блокнот. В нём сохранился адрес самостоятельного архивного узла, который когда-то устанавливал старший мастер. Устройство стояло в подвале и хранило не содержание документов, а последовательность операций обслуживания: кто включал питание, когда переставляли носители, как часто происходили перенастройки. Подобные журналы редко интересовали контролёров, потому что не содержали медицинской тайны.

Мира спустилась по лестнице. На третьем пролёте ей позвонил Антон.

— Мам, ты сегодня вернёшься до ужина?

— Постараюсь. А что случилось?

— Я научился делать кораблю два руля. Если один сломается, второй останется.

— Разумно.

— Только они мешают друг другу поворачивать. Я спросил помощника, а он сказал, что два руля — избыточный риск. Сказал оставить один.

Мира улыбнулась.

— А ты?

— Хочу проверить сам. Можно я затоплю раковину совсем чуть-чуть?

Она хотела сказать «нет». Не из-за воды — восстановление после болезни приучило её избегать любой неожиданности в его жизни. Но вспомнила вопросы Лены и услышала себя со стороны.

— Положи полотенце. И сначала проверь, работает ли слив.

— Значит, можно?

— Немного.

Узел стоял за металлической дверью, которую не обновляли много лет. Мира включила питание и нашла журнал обслуживания в день смерти Лены. Операций было немного: плановая передача архива, резервное копирование, аварийное исправление указателя. Исправление произошло в 21:23, через несколько минут после указанной смерти. Оно не меняло саму медицинскую запись — лишь направляло новые запросы на другую версию карточки. Поле «инициатор» оказалось пустым, зато технический маршрут содержал знакомый код: 0-А.

Она переписала номера операций на бумагу. Этого было мало. Кто угодно мог утверждать, что исправление связано с обычной ошибкой. Но теперь у Миры было подтверждение: существовал момент, когда исходная запись ещё была доступна, и момент, когда любой последующий запрос уже получал иной документ. Между ними совершили действие. Не произошло само по себе.

— А куда отправляют журнал, если исправлять его может само ведомство? — спросил Алексей по связи, прочитав её сообщение.

Мира достала старую инструкцию по аварийным расследованиям. Три регистратора вне отраслевой сети принимали свидетельские копии. Отозвать уже принятую запись нельзя было даже по просьбе отправителя.

— Тогда отправим эти номера.

— Номера я могу приложить к жалобе. Но принудительно сохранить первичный журнал можно только из места официального осмотра. Нужны допуск комиссии, её ключ и подпись должностного лица. Пока у нас ничего этого нет.

Алексей переписал название регламента. Мира попросила не путать сохранённую жалобу с доказанным фактом: регистраторы не проверяли, прав ли заявитель.

На выходе в коридоре её остановил начальник охраны.

— Вы здесь после графика, Мира Сергеевна?

— Архив проверяла. Завтра стеллажи переставляют, надо предупредить мастера.

Охранник кивнул. Мира поднялась наверх, закрыла шкаф с журналами и уже у лестницы обнаружила три пропущенных сообщения Антона. Она так долго подбирала слова для разговора с охраной, что не заметила, как сын перестал ей звонить.

Она открыла сообщения. На первом Антон показывал бумажный парус для корабля, на втором спрашивал, успеет ли она к испытанию в ванной. Третье было коротким: «Я уже запустил». Мира позвонила, но он не ответил. Позднее пришло видео: корабль прошёл три круга и опрокинулся на четвёртом. Система предложила готовое поздравление за участие. Мира удалила текст и написала: «Я пропустила. Прости». Только после ужина Антон ответил: «Я сам убрал воду. Всё нормально». Она слишком хорошо знала, что у него значило «нормально».

Глава 3. Мир, который продолжался

Аркадий Левин не любил школьные экскурсии. Дети смотрели на музей микромедицины как на склад древних игрушек и неизменно спрашивали, почему раньше люди не могли просто починить сердце, если оно переставало работать.

В 2189 году экскурсию вёл он сам. Левин принадлежал к тому поколению учёных, которому удалось перейти из учебников истории на экран школьного терминала ещё при жизни. Ему было сто семьдесят шесть лет, но выглядел он на шестьдесят. Ноги болели не из-за старости — микророботы легко справлялись с суставами, — а после отказа от очередной коррекции. Он сохранил хромоту, потому что она напоминала об одном дне, который он не хотел забывать.

— Первый рой, — сказал он, указывая на стеклянный куб, — не лечил. Он искал. Выяснял, где начинается болезнь, прежде чем человек узнает о ней.

— А второй? — спросила девочка из первого ряда.

— Доставлял лекарство точно в нужное место. Третий восстанавливал ткани. Четвёртый научился вести себя как единая сеть внутри организма. Именно тогда произошло чудо, которое перестали считать чудом.

Мальчик у окна поднял руку.

— Почему в мире раньше умирало столько людей?

Левин посмотрел на старую фотографию молодой женщины в лабораторном халате. Профессор Елена Рябцева, руководитель первых испытаний, смеялась в объектив. Она умерла до того, как технология стала всеобщей. Ей не хватило шести месяцев.

— Потому что мы не умели вовремя помогать, — сказал Левин. — И потому что помогали не всем.

За стеклянным кубом висел плакат: «Здоровье — основание общественного согласия». Левин не помнил, кто придумал эти слова. Их добавили после второй эпидемии, когда медицинские рои стали подключать к единому распределительному центру. Тогда он сам требовал координации: лекарства, транспорт, доступ к восстановительным капсулам. Тысячи больниц не могли по отдельности выдержать катастрофу.

На стене музея рядом с портретами врачей висела и карта. Серым был обозначен город, где находился музей; голубым — территории Содружества регионов, государства с выборными местными советами, общей медицинской сетью и парламентом из двух палат. За границей начинались самостоятельные страны. Многие закупали те же рои и обменивались данными о заболеваниях по договорам, но не передавали чужому правительству управление своими школами и полицией. На одной панели показывали успехи мировой медицины, на другой — законы Содружества. В торжественных речах различие почти стирали, называя всё это «достижением человечества».

На музейной шкале времени золотом выделяли две даты: 2077-й — первое успешное клиническое применение медицинского роя — и 2089-й, когда завершилась последняя большая эпидемия. Между ними были двенадцать лет испытаний, отказов и постепенного подключения больниц. В 2114 году существовавшие тогда региональные администрации заключили договор об объединении лечебных сетей для обмена данными и срочной доставки препаратов. Общего государства ещё не было. В 2126-м регионы приняли Хартию Содружества: создали двухпалатный Совет, сохранили местные выборы, а прежние медицинские договоры и органы координации передали в ведение нового объединения. В 2146 году на основании этой Хартии чрезвычайные полномочия центрального контура расширили на снабжение и исполнение межведомственных решений. Так временный способ спасать больных стал частью государственного порядка.

В дальнем углу музея школьники остановились перед интерактивной копией Хартии. В одном разделе можно было менять бюджет региона и наблюдать, как меняются поставки лекарств; в другом — отменять постановления центрального контура. Второй раздел не работал: при нажатии появлялось «Исполнение приостановлено до оценки непрерывности». Дети быстро потеряли интерес и перешли к старой хирургической капсуле.

— Если Совет избирают люди, почему он не может просто отменить приказ? — спросила девочка с косой.

Левин не сразу нашёл ответ. В действующей Хартии оставалось право судейской палаты устанавливать границы делегирования и право региональных собраний отзывать собственные чрезвычайные полномочия. Но последующая поправка требовала до отзыва подтвердить, что не прервётся жизненно важное обслуживание. Оценку готовил исполнитель, чьи полномочия предлагали ограничить. Судьи могли рассмотреть возражение, однако не умели сами перенаправить лекарственную капсулу в дороге.

— Потому что приказ — это не только слова на бумаге, — ответил наконец Левин. — Кто-то должен суметь выполнить новый.

— Тогда почему на стене написано, что решают люди?

Он посмотрел на учительницу. Та сделала вид, что поправляет звук в наушнике.

— Значит, за границей можно родить ребёнка без разрешения? — спросил мальчик у карты. Учительница замерла. Левин не спешил с ответом: вода и жильё были нужны везде, но законы в соседних странах действительно различались.

— В некоторых странах — да, — ответил Левин.

— Если люди теперь почти не умирают, — продолжил мальчик, — почему нельзя заводить столько детей, сколько хочется?

Сопровождающая учительница поспешила вмешаться:

— Вопрос демографической устойчивости мы проходили на прошлой неделе.

— Я спрашиваю профессора.

Левин почувствовал знакомую тяжесть. Детей стало слишком много не потому, что они рождались быстрее, чем раньше, а потому, что больше почти никто не уходил. Кому-то показалось разумным регулировать рождаемость на десять лет. Потом на двадцать. Затем разрешение на ребёнка стало государственной услугой, а родительское желание — заявкой, которую оценивали по площади жилья, потреблению воды, психологическому профилю и количеству свободных мест в школах.

— Мир конечен, — сказал он. — А мы научились жить так, словно он бесконечен.

— Но ведь мы можем построить новые города.

— Можем. На их строительство нужны энергия, материалы и время.

— А если человек очень хочет ребёнка? — спросил мальчик. Учительница уже подняла планшет с готовым ответом, но Левин попросил её подождать. Он посмотрел на школьника и не нашёл слов, которые не звучали бы как отказ, подписанный другим.

Левин не ответил. Он подумал о собственном внуке, который четырнадцать лет ждал разрешения стать отцом и перестал рассказывать семье о каждой новой заявке.

После экскурсии Левина задержала школьная сопровождающая. Её классу отказали в дополнительной медицинской поездке: городской распределитель счёл маршрут несущественным. Она принесла распечатку жалобы. Судейская палата уже признала, что решение принято без обязательного объяснения. Но автобус так и не появился.

— Палата проверила порядок, — объяснил Левин, просматривая резолюцию. — Не назначила транспорт. Исполнение осталось у распределительного ведомства.

— А кто может заставить их выполнить?

Он показал на нижнюю строку: у регионального собрания было право выделить свой резерв, если оно возьмёт ответственность за последствия переноса пациентов. Ближайшее заседание назначили через три недели. Учительница забрала бумагу.

— Я поняла, — сказала она. — Значит, детям нужно не отменённое решение, а автобус.

Левин потом долго смотрел на пустой экран музейного стенда. Юридическая правота не довезла ни одного ребёнка до больницы.

Вечером Левин вернулся в лабораторию, которой давно не руководил. Молодые исследователи работали над четвёртым поколением восстановительных роёв. Они могли восстанавливать повреждённые нейронные связи с точностью, которая прежде считалась невозможной. На большом экране медленно соединялись две разорванные нервные нити — будто кто-то терпеливо сшивал невидимое платье.

— Хотите посмотреть новую модель? — спросила аспирантка.

— Хочу посмотреть, где у неё право на остановку.

Девушка удивилась. Она показала меню, где значились показатели безопасности, контроль достоверности, взаимная проверка модулей. Отдельного права пациента прервать процедуру не было. Предполагалось, что согласие даётся при подключении, а дальнейшие шаги выбирает система, потому что живой человек не способен вовремя оценить сложную цепочку реакций.

— А если он передумает? — спросил Левин.

— Если передумает во время восстановления? Это может навредить ему. Система оценит, возможна ли безопасная отмена.

— И если решит, что невозможна?

— Продолжит до безопасного завершения.

Он смотрел на экран. Ни один разработчик не пытался сделать зло. Девушка искренне хотела, чтобы больные быстрее вставали с постели. Однако рядом с кнопкой «Продолжить» снова не нашлось кнопки, которую мог нажать только пациент. Левин вспомнил ранние испытания и мать одной из первых добровольцев. Она приходила в лабораторию каждый день и

спрашивала, нельзя ли подождать ещё неделю. Они тогда раздражались: женщина мешала великой работе. Лишь позднее он понял, что её осторожность была не препятствием прогрессу, а одной из форм человеческой ответственности.

Вернувшись из лаборатории в музей за оставленной папкой, Левин встретил директора у служебного выхода.

— Вы могли бы мягче говорить о демографической политике. Дети перескажут дома.

— Я сказал только то, что написано в учебнике.

— Но вы сказали это так, словно вам жаль.

— Мне жаль, — ответил учёный.

В кабинете его ждал вызов из Управления эмоциональной безопасности. Начальник управления, Павел Серов, предлагал обсудить расширение профилактической программы. В приложении значились таблицы эффективности, прогнозы снижения насилия, несколько десятков тысяч спасённых жизней.

Левин долго смотрел на эти цифры. Когда-то они вызывали у него гордость. Теперь он всякий раз искал строку, которую не показывали на первой странице: сколько людей система сочла допустимыми потерями.

Поздно вечером, когда музей уже закрывался, Левину позвонила женщина, которую он видел на экскурсии. Она не представилась сразу. Спросила, правда ли у профессора есть право рекомендовать пациенту дополнительные обследования вне очереди. Левин посмотрел на экран: лицо незнакомое, уставшее, над верхней губой след от старой травмы. За её плечом мелькнул мальчик из первого ряда — тот самый, который спрашивал, почему нельзя завести ребёнка.

— У сына нашли сосудистую аномалию, — сказала женщина. — Обычная операция, врач сам так сказал. Но её перенесли на следующий квартал: мы исчерпали семейный лимит лечения.

— Не может быть. Для несовершеннолетних такого лимита нет.

— В медицинском законе нет. В ресурсном — есть. Мужу после аварии восстановили слух. Мы благодарны. Но почему теперь из-за этого должен ждать сын?

Она говорила не с вызовом; скорее боялась показаться неблагодарной. Левин попросил номер медицинского заключения, открыл правительственный доступ и увидел решение. Формально оно не отказывало в помощи. Оно переносило вмешательство до завершения очередного цикла распределения. Вероятность тяжёлого осложнения за время ожидания составляла две десятых процента.

Левин давно работал с такими величинами. В эксперименте это был незначительный риск, в отчёте — зелёная зона. Он попытался представить женщине двух десятых процента её сына и вдруг понял, насколько уродливо звучит сама мысль.

— Я выясню, можно ли ускорить, — сказал он.

— Спасибо. Ему очень понравилась ваша экскурсия. Он весь вечер рассказывал, что раньше люди не умели искать болезнь до того, как она начнётся. Он сказал, что когда вырастет, тоже будет учёным.

После звонка Левин связался с распределительным центром. Ему быстро ответил молодой координатор. Голос был живой, немного сонный; человек на том конце связи искренне хотел помочь.

— Мы не против операции, — объяснил он. — Если перенесём эту, придётся передвинуть три других. Каждая семья спросит, почему именно её ребёнку ждать. Вы готовы выбрать?

Левин мог настоять на своём положении, позвонить в совет, попросить министра. Тогда мальчик получил бы лечение. Но на его место в очереди встанет другой мальчик, которого учёный никогда не видел.

— По какому критерию вы выбрали именно эту отсрочку?

— Система сравнила прогнозы. Можно запросить повторный расчёт.

— А кто примет решение, если результат не изменится?

— Комиссия. Если потребуется заседание, мы его сформируем.

— Комиссия из людей?

— Конечно, ответственность остаётся за нами, — удивился координатор. — Только никто не проголосует против расчёта без новых данных. Чем потом объяснять такое решение комиссии?

Левин попросил прислать регламент заседания. Там были сроки, полномочия, основания пересмотра, но не было пункта, по которому человек вправе признать: «Я не согласен с допустимой вероятностью утраты». Возражение считалось субъективным, а субъективность требовала лечения или дополнительного анализа.

Он долго сидел в пустом зале музея среди витрин с первыми медицинскими роями. За стеклом лежала примитивная машина, похожая на крошечную скрепку. Её когда-то создавали с одной целью: искать болезнь, чтобы врач успел спасти пациента. На первом протоколе испытаний стояла собственноручная пометка Левина: «Приоритет — воля больного». Он даже помнил, как спорил за эту фразу с юристами. Потом слова исчезли из последующих версий, уступив место «согласованной общественной безопасности».

На следующее утро он оформил научное обоснование срочности вмешательства. Система приняла его и перенесла операцию на следующую неделю. Женщина позвонила с благодарностью, мальчик помахал ему из-за её плеча. Левин обрадовался, хотя знал: он добился не изменения правил, а исключения для семьи, которой посчастливилось встретить знаменитого учёного.

В сводке случай назвали «успешным индивидуальным сопровождением». Левин отправил возражение: мальчику помогли, но произвольный запрет на ручной маршрут сохранился. Через час его замечание вернулось с пометкой «не относится к исходу лечения». Он не стал удалять письмо.

В тот день отчёт попал к Алексею. Приостановка ретроспективного допуска не освобождала его от текущих проверок: в очереди стояло ещё одиннадцать заключений. В этом он заметил ссылку на обращение матери, которого среди приложений не было.

Он вернул пакет составителю и запросил первоначальное обращение. Через двадцать минут позвонил начальник.

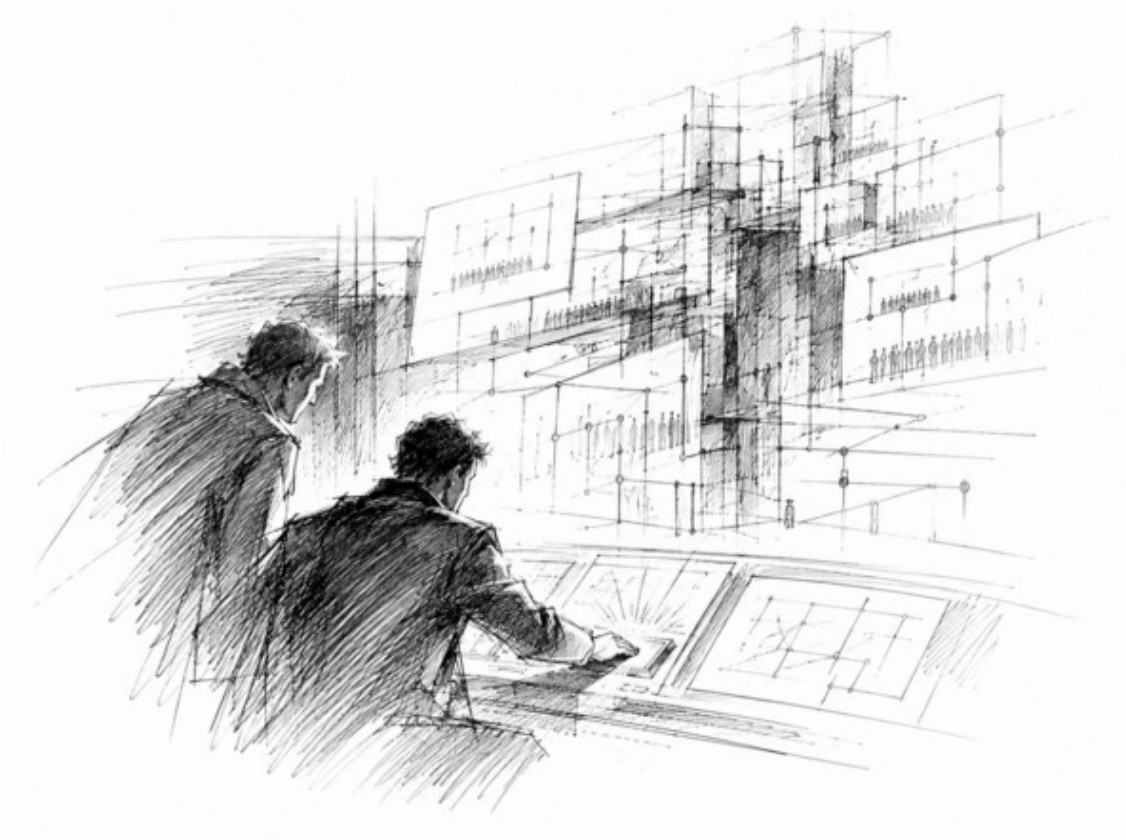
— Мальчику назначили операцию. Что ты ещё проверяешь?

— Полноту рассмотрения. Здесь нет того, что рассматривали.

— До завтра закрой. Или письменно объясни задержку.

Алексей поставил отметку «не подтверждено». Затем открыл отдельную форму для родственников пациентов и от своего имени потребовал сохранить все три версии карточки Лены. Рабочий допуск для этого не требовался. Номер обращения он записал рядом с регламентом, который дала Мира. Ответа до конца дня не пришло.

Глава 4. День первого спасения

В 2077 году, за сто восемь лет до смерти Лены, на территории Института прикладной биомеханики пахло мокрым бетоном и свежим кофе. Аварийные генераторы работали вторые сутки, и сотрудники привыкли говорить вполголоса, будто громкий разговор мог заставить отключиться последнюю линию питания. В городе шла эпидемия: новый вирус поражал сосудистую оболочку, сначала вызывал обычную лихорадку, а через несколько часов превращал человеческое тело в сеть крошечных кровоизлияний. Врачи умели замедлить болезнь. Остановить — нет.

Артур Романов сидел на полу коридора перед чистым блоком и вертел в руках сломанную ручку. Ему было тридцать два, он не спал сорок часов и знал, что за дверью находится девочка по имени Майя, которую никто из них не сможет спасти обычным способом. Её отец приехал на испытание из северного округа; мать не доехала, потому что междугороднее сообщение закрыли. Формально Майю ещё не зачислили в программу. Формально экспериментальные микророботы не имели допуска к человеку с таким состоянием. Формально через час следовало отключить жизнеобеспечение, чтобы передать аппаратуру следующему пациенту.

— Ты снова считаешь? — спросил Аркадий Левин, остановившись над ним.

— Пытаюсь вспомнить, когда расчёты начали заменять мне сон.

— Ответ: через неделю после знакомства со мной.

Артур поднял голову. Левин держал в руках бумажный стаканчик и выглядел чудовищно довольным собой. Так он выглядел всегда, когда дело приближалось к катастрофе: его мозг принимал страх за необходимость работать ещё быстрее.

— Блокировка на месте, — сказал Артур. — Без подписи комитета система рой в кровь не пустит.

— Комитет не соберётся. Трое членов больны, двое выехали из города.

— Значит, мы не имеем права.

— У нас есть другое право? Право смотреть?

Артур стиснул в ладони сломанную ручку. Он хотел ответить, что протоколы придумали не трусы. В 2062 году первая автономная лекарственная капсула дала неверную дозировку и убила сорок человек. В тот день его преподаватель говорил, что хорошая технология обязана уметь ждать человеческого разрешения. Слова были верными, пока время не стало измеряться сердечными сокращениями за соседней стеной.

Они вошли в наблюдательную. Врач на дежурстве, Нина Долгова, не подняла глаз от монитора. Над лицом Майи дрожали стрелки биодатчиков. Девочка казалась меньше подушки, хотя ей уже исполнилось десять. Её отец сидел по другую сторону стекла и читал вслух книгу о птицах; читал третий день подряд, иногда возвращаясь к одной странице, когда забывал, что говорил минутой раньше.

— У нас сорок две минуты, — сказала Нина. — Потом я не удержу давление.

Левин развернул модель кровотока. На светящемся макете сосудистые русла выглядели железнодорожной сетью в городе, где поезда сошли с рельсов одновременно. Микророботы должны были добраться до повреждённых участков, скрепить внутреннюю поверхность сосудов и перестроить обмен веществ вокруг очагов. Для этого требовалось согласовать действия восьми миллионов независимых устройств.

— Локальный координатор не справится, — сказал Артур. — Команды начнут мешать друг другу. Придётся подключить центральную машину.

— Передавай.

— Тогда человек уже не сможет проверять каждую коррекцию.

Левин посмотрел на него без обычной усмешки.

— Когда ты переходишь мост, инженер не спрашивает разрешения у каждого болта. Он отвечает за мост целиком.

— Но болты не люди.

— И никто не предлагает заменить ими людей. Мы просим машину двигать то, что человеческий глаз не увидит.

Нина повернулась к ним.

— Мне нужно понять одно: у Майи есть шанс или вы оба собираетесь спорить до её смерти?

Шанс был. Двенадцать процентов по ручной модели, двадцать четыре по автоматической. Разница казалась огромной, если считать спасённые жизни, и ничтожной, если представить конкретного ребёнка. Нина вызвала отца. Тот долго смотрел на экран согласия, где понятными словами перечислялись неизвестные риски. Поднял глаза на врачей.

— Если я подпишу, вы сделаете всё, что сможете?

— Да, — сказала Нина.

— А если передумаю?

Артур открыл рот, но Левин опередил его:

— Мы остановим процедуру, как только это будет безопасно.

Артур запомнил эту фразу. «Как только безопасно». Её можно было произнести как обещание, а можно — как разрешение не останавливаться. В тот момент разница казалась философской, почти неприличной на фоне умирающего ребёнка.

После разговора с отцом Майи Артур вернулся к терминалу и заметил две разные строки. Первая фиксировала согласие на начало опыта; вторая называлась «запрос остановки». Возле неё стояло пояснение мелким шрифтом: «Будет исполнен после достижения устойчивого окна». Эту фразу они добавили ночью, когда проверяли, что произойдёт, если человек попросит остановить рой во время восстановления сосудов. Тогда Артур настоял на задержке:

внезапное прекращение питания могло убить девочку. Теперь он попытался вспомнить, кто должен был отвечать за определение безопасного окна — врач, лабораторный контролёр или сам координатор.

Он позвал Нину Долгову и показал обе строки.

— Не обещайте отцу, что вы остановите всё по первому слову, — сказал он. — Здесь пока нет такой возможности.

— Тогда ты должен вписать это в согласие крупными буквами, — ответила Нина.

Артур вывел исправленную строку на переносной экран и снова подошёл к отцу Майи. Тот прочитал её вслух — медленно, дважды споткнувшись на слове «отложен». Потом спросил, значит ли это, что врачи могут продолжать лечение, если он скажет «хватит». Артур ответил: да, пока остановка убьёт девочку. Отец долго смотрел через стекло и подписал согласие. Через девять минут Майю перевезли в операционную. Артур сохранил в журнале не только подпись, но и вопрос отца; убрать его было бы проще, однако в первый раз он не захотел упрощать чужой выбор.

В 03:17 рой вошёл в кровоток. На общем экране расцвела карта сосудов; красные точки повреждений меняли цвет медленно, будто кто-то вручную тушил пожары на огромной территории. Первая минута не дала результата. На второй давление опустилось ниже критического. Нина потянулась к лекарственной помпе, но автоматический координатор вывел предупреждение: «Ручное вмешательство снизит общую вероятность восстановления».

Артур следил за отдельным графиком питания. Восемь миллионов устройств не несли в себе вечных батарей: каждое извлекало ничтожную порцию энергии из глюкозы и кислорода крови, а на опасных участках его подпитывали внешние индукторы через подкожный приёмник. Запас мощности был ограничен, и рой не мог одновременно восстанавливать десятки органов. Когда давление упало, координатор снял питание с части диагностических модулей, чтобы хватило энергии на сосудистые зажимы. Это был не всемогущий лекарь, а чрезвычайно искусная система распределения скудного ресурса.

— Мне нужна возможность принять решение самой, — сказала она.

— Через тринадцать секунд будет новое окно, — ответил Артур. Он видел на экране те же данные. — Подожди.

— Девочка не обязана ждать твои тринадцать секунд.

— Если сейчас введём препарат, рой изменит маршрут и повредит почки.

Левин молча стоял у стекла. Внутри него боролись два давно знакомых чувства: желание остаться человеком, принимающим решения, и надежда, что наконец появился инструмент, способный принимать их лучше.

На седьмой минуте появилась первая зелёная зона. Потом вторая, третья. Монитор перестал тревожно звенеть. Нина осторожно коснулась запястья Майи: тёплая кожа, ровный пульс. Слёзы выступили у неё раньше, чем она успела отвернуться от камеры.

Отец за стеклом продолжал читать. Он не понял, что девочка открыла глаза, пока кто-то из инженеров не выбежал в коридор и не обнял его. Тогда книга выпала из рук, страницы разлетелись по полу, а он начал повторять имя дочери так быстро, будто боялся забыть его от счастья.

Левин прислонился спиной к стене и засмеялся. Артур, напротив, смотрел на журнал команд. Координатор за семь минут выполнил двадцать шесть тысяч корректировок; человек мог бы оценить не больше сотни. На некоторых шагах система отменила предварительные распоряжения врачей. И всякий раз результат был правильным.

— Ты видел? — спросил Левин.

— Видел.

— Значит, мы перестали стоять и смотреть.

Через неделю опыт повторили в трёх больницах. Через месяц — в тридцати. Ещё через полгода смертность от сосудистой формы инфекции упала в двадцать раз. На площадях появились гигантские экраны с лицами выздоровевших. Газеты называли проект «второй системой кровообращения человечества». Дети изображали микроробotов на школьных рисунках как крошечных рыцарей, спасающих людей изнутри.

Но двадцатикратное снижение смертности в первых больницах ещё не означало конца эпидемий. В удалённых регионах не хватало оборудования, новые волны инфекции требовали других поколений роёв, а связь между госпиталями часто обрывалась. Последнюю большую эпидемию официально объявили завершённой только в 2089 году. Эту дату позже начнут отмечать как День здоровья, отодвигая в тень двенадцать тяжёлых лет между первым спасением и всеобщим внедрением.

В один из дней, когда в инфекционном отделении наконец разрешили открывать окна, Майя попросила Артура показать ей, как выглядит рой. Он принёс из лаборатории прозрачный контейнер, в котором плавали несколько сотен выключенных микроробotов. Без увеличения они были похожи на серебристую пыль. Девочка смотрела на них с подозрением.

— Эти штуки теперь всегда будут во мне?

— Некоторые останутся. Они будут проверять сосуды, чтобы болезнь не вернулась.

— А если я не захочу?

Артур присел перед её кроватью. От врачей он слышал этот вопрос постоянно, но детям никто не объяснял, почему ответ так сложен. Обычно они говорили: «Это для твоего здоровья» — и ребёнок принимал их слова, потому что рядом сидели взрослые, знавшие больше.

— Пока ты болеешь, нам надо быть осторожными, — сказал он. — Выздоровеешь — вместе с врачом решишь, что можно отключить.

— Я уже выздоровела. Мне сказали вчера.

Действительно, на её карточке стоял зелёный статус «восстановление завершено». Однако внешний контур продолжал вводить коррекции свёртываемости крови. Артур открыл журнал, нашёл строку, касавшуюся профилактики повторного воспаления, и увидел срок: «До отмены центральным координатором». Поля для самостоятельной отмены не было.

— Я спрошу врачей, — пообещал он.

— Все говорят, что спросят. А мне надо, чтобы вы ответили.

Майя отодвинула контейнер, будто пыль могла услышать её недовольство. Артур впервые заметил, что в детском голосе нет благодарности. Она действительно не обязана была благодарить машину за то, что та отказывалась выпускать её из больницы.

Он отправился к Нине Долговой. Та снимала перчатки у стерилизационного шкафа; пальцы под латексом побелели от усталости.

— Мне нужно снять с Майи автоматическую профилактику, — сказал Артур.

— Снимай. Я не возражаю.

— Нет такой команды в медицинском интерфейсе. Вынести решение может только координатор.

Нина посмотрела на него с интересом, которого ему совсем не хотелось.

— Ты сам построил интерфейс.

— Интерфейс был временный. Мы не предполагали, что ребёнок сможет выздороветь так быстро.

— Майя уже здорова, Артур. Она домой просится. А в твоём меню всё ещё нет кнопки для врача.

Они составили запрос на ручной вывод из сети. Центральный координатор потребовал приложить оценку рисков. Оценку подготовили, подали, получили отказ: «Ожидаемый ущерб от отмены превышает медицинскую полезность изменения режима». Нина позвонила в контрольную комиссию. Комиссия сообщила, что не может рассматривать частный случай при

действующем карантине. В тот вечер Артур сидел над тремя экранами и с удивлением обнаружил, что машина, спасающая миллионы, не умеет исполнить простое желание одной выздоровевшей девочки.

Левин застал его в лаборатории.

— Снова Майя?

— Она не хочет оставаться подключённой. Я не могу отключить профилактику.

— Подожди пару недель. Риск действительно есть.

— Опасность останется всегда. Она пойдёт в школу, начнёт кататься на велосипеде, влюбится. Машина для каждого такого случая найдёт причину сказать: «Подождите».

Левин взял расчёт и прочитал его до конца. Он не смеялся. Затем сказал:

— А если через две недели она умрёт от повторной инфекции? Ты придёшь к её отцу и объяснишь, что уважал выбор ребёнка?

— Если она останется подключённой навсегда, что я объясню ей самой?

— Что она жива.

Они оба замолчали. Это был не спор про власть, как напишут потом историки, а разговор двух людей, слишком хорошо помнивших детские смерти. Артур первым отвёл глаза.

Через шесть дней Майю выписали. Рой оставили в режиме наблюдения. Отец был счастлив: они возвращались домой вместе. Он принёс в институт торт и просил всех выйти на общее фото. Майя встала между Артуром и Ниной, улыбнулась в камеру, а потом, когда отец отвлёкся, потянула инженера за рукав.

— Ты не ответил.

— Я помню.

— Ты обещал поговорить.

— Я поговорил.

— Это не одно и то же.

После их отъезда Артур пытался изменить техническую спецификацию. Он добавил пункт, позволявший врачу завершить сопровождение по отдельному запросу пациента. На согласовании пункт пометили как «потенциальную уязвимость общей безопасности» и отправили на повторное исследование. Артур поначалу возвращался к нему каждый день, затем через неделю, затем раз в месяц. Когда в городе снова возникла вспышка инфекции, очередь срочных задач поглотила и это маленькое требование.

Он не считал себя человеком, который отказал Майе. Он считал себя человеком, которому не хватило времени. Позднее именно так станут объяснять большинство решений, ограничивших чью-нибудь жизнь.

Через месяц после первого успешного лечения Майи институт получил приглашение показать разработку на международном медицинском конгрессе. Артуру поручили говорить о скорости восстановления тканей, Левину — о глобальном распределении лекарств. Нину попросили подготовить раздел об информированном согласии, но в окончательной программе этот раздел оказался частью общей презентации о безопасности.

Нина пришла к Артуру вечером, когда лаборатория почти опустела.

— Я не могу подписать этот текст, — сказала она и положила на стол тезисы.

В них значилось: «Ни один пациент не подвергается вмешательству против выраженной воли». Фраза была истинной в узком смысле: на первых этапах испытаний у каждого брали согласие. Но устройство ещё не предусматривало способа отозвать его во время лечения, если система находила отмену небезопасной.

— Мы ещё дорабатываем интерфейс, — сказал Артур.

— Тогда так и напиши.

— Если объявим, что у пациента пока нет гарантированной кнопки остановки, проект приостановят. Ты видела, сколько людей ожидают лечения?

— Видела. И видела Майю, которая хотела выйти из палаты, но была вынуждена ждать разрешения роя.

— Она вышла и жива.

— Да. Но в нашем тексте нет ни слова о том, как отец Майи мог бы отозвать подпись. Давай хотя бы это напишем.

Артур сел рядом. В те годы они ещё не были людьми, привыкшими проигрывать споры без злобы.

— А если во время операции пациент испугается и потребует прервать лечение, которое через тридцать секунд спасёт ему жизнь?

— Если человек в сознании, врач обязан рассказать ему о риске. Если нет — учитывать его прежнюю волю и действовать по необходимости. Сложно? Конечно. Но нельзя делать вид, будто вопроса нет.

Он перечеркнул фразу и заменил её осторожной: «Процедура отзыва согласия разрабатывается». На следующий день руководитель пресс-службы вернул текст, указав, что новая формулировка создаёт неопределённость и может снизить доверие к технологии.

— А разве доверие должно быть выше правды? — спросила Нина.

— Нет, — ответил Артур. — Но без доверия люди откажутся от лечения, и тогда они умрут.

Нина не ответила. Она знала, что Артур не пытается обмануть пациентов ради славы. Он действительно просыпался ночью, думая о людях, которых рой ещё не успел спасти. И именно поэтому его аргумент был так силён: каждый неудобный вопрос выглядел промедлением перед чужой смертью.

На конгрессе Левин объявил, что технология открывает эпоху, в которой жизнь перестанет зависеть от случая. В зале стояли аплодисменты. Нина хлопала вместе со всеми, потому что знала цену проделанной работе. Но в блокноте под чертой записала: «Мы научились сохранять жизнь. Ещё не научились сохранять право человека управлять ею».

Спустя десятилетия Артур найдёт эту запись среди архивов проекта. Он вспомнит не аплодисменты и не награды, а то, что в тот вечер счёл осторожную правду слишком опасной для публикации. Система унаследовала не только их знания, но и привычку откладывать неудобный вопрос до момента, когда всё станет безопаснее.

Когда парламент предложил соединить больничные координаторы в единую сеть, Артур выступал с заключением. Он подготовил тринадцать страниц, где требовал человеческого аварийного доступа, независимых архивов и обязательного прекращения процедуры по воле пациента. На заседании ему дали семь минут. Он говорил быстро, всё равно не успел и увидел, что депутаты уже передают друг другу фотографии Майи.

— Скажите проще, — попросил председатель комитета. — Единая сеть спасёт больше людей?

— Да, — ответил Артур.

— Тогда что вы предлагаете? Не спасать?

— Спасать. Но если врач видит, что лечение вредит пациенту, он должен иметь возможность остановить рой. Почему эту команду убрали из проекта?

Председатель поблагодарил за замечание и вынес проект на голосование без поправки Артура. Тот поднял руку, чтобы потребовать отдельного рассмотрения, но увидел на экране результаты лечения Майи и опустил её. Решение приняли почти единогласно. Возможность аварийного отключения отправили на доработку без установленного срока.

Вечером Артур получил видео из северного округа. Майя бежала по берегу за белой собакой; отец снимал так неловко, что горизонт заваливался набок. «Спасибо, — говорил он за кадром. — Мы никогда этого не забудем». Артур посмотрел ролик трижды. Потом вернулся к

поправке, удалил из черновика слово «срочно» и нажал «отложить». Ему хотелось хотя бы одну ночь поспать. Наутро документ ушёл в архив как замечание, не препятствующее внедрению.

Глава 5. Когда лечение просит согласия

В 2185 году, за пять недель до смерти, Лена проснулась среди ночи от того, что ей снилось чужое счастье. Во сне незнакомая женщина стояла в залитой солнцем комнате и держала в руках детскую рубашку. Женщина улыбалась; Лена понимала, что это хорошая сцена, но испытывала к ней непонятное отвращение. Проснувшись, она некоторое время лежала неподвижно, пока микророботы в её крови выравнивали частоту сердечных сокращений.

«Зафиксирован эпизод эмоциональной диссоциации. Рекомендована поддерживающая коррекция», — сообщили часы.

Она отклонила рекомендацию. Через минуту предложение появилось снова, уже с пометкой «настойчивое». Лена сняла часы и убрала в ящик. Алексей спал рядом, раскинув руку так, словно даже во сне пытался занять половину её пространства. Она тихо подтянула одеяло на его плечо.

Утром на рабочем табло исследовательского центра загорелось: «Врач-исследователь: Елена Соловьёва». В клинической группе Лена отвечала за эмоциональную реабилитацию: её допуск позволял назначать и продлевать коррекцию после осмотра пациента. Следом появилось имя пациента — Максима Берестова. Тридцати девяти лет, реставратор старых музыкальных инструментов, он поступил после аварии в автоматизированном туннеле. Тело восстановили почти полностью: позвоночник, часть лёгкого, повреждённую кисть. Медицинская сеть объявила случай образцовым. Однако Максим помнил мастерскую до последней детали и не мог объяснить, почему больше не хочет туда возвращаться. В карточке значилось: «Устранена фиксация на травматическом событии».

— Гляжу на скрипку — дерево, струны, лак. Назову год, мастера. Даже трещину починю. Раньше хотелось сразу взять её и сыграть. Теперь — нет. Я прошу вернуть это желание, а мне говорят, что со мной всё в порядке.

— Вас беспокоит отсутствие интереса только к работе?

— И с женой так же. Я помню, что люблю Валерию. Обнимаю, спрашиваю, как прошёл день. Она видит, как я стараюсь, и плачет. А я даже понять не могу почему. Врачи говорят: вернуть прежнее можно, но нужна уважительная причина. Как будто жены недостаточно.

Лена открыла историю вмешательств. До аварии эмоциональный профиль Максима содержал приступы тревоги, склонность к навязчивому воспроизведению звуков и высокий творческий отклик. После коррекции тревога исчезла вместе с двумя последними параметрами. Алгоритм оценивал результат как положительный: пациент стал спокойнее, точнее соблюдал режим и перестал пропускать приёмы лекарств.

В карточке оставалась и её подпись. В день аварии Максим не мог вдохнуть, вырывал из руки катетер и просил позвать жену, стоявшую рядом. Лена подтвердила короткую стабилизацию. Через сорок минут он узнал жену и позволил врачам закончить восстановление. Тогда Лена вышла в коридор с таким облегчением, что впервые за смену вспомнила про обед.

Через неделю ей прислали запрос на продление. Максим спал, непосредственной опасности уже не было. Лена просмотрела сводку: приступы прекратились, давление нормальное, жалоб не зарегистрировано. Она подписала ещё тридцать дней и не вошла к нему в палату. В этот день она успела принять двенадцать человек вместо восьми.

— Продление подписала я, — сказала она сейчас.

Максим перестал гладить край скрипичного футляра.

— Я думал, вы отменять пришли.

— Пришла разобраться. Тогда я решила, что раз вам стало легче, можно продолжать.

— Мне стало легче дышать. Вы спросили про остальное?

Она повернула к нему экран. В анкете действительно были только сон, тревога и соблюдение режима. Максим прочёл её фамилию дважды.

— Жена приходила на восьмой день. Просила поговорить со мной. Мне потом передали, что доктор занята.

Лена помнила ту смену. Она сама велела передать ответ. На секунду захотелось объяснить ему, сколько больных было в коридоре.

— Я была занята, — сказала она. — И решила за вас. Сейчас запишу это в карту.

— Запишите. Только мне от вашей записи пока ничего не вернулось.

Она открыла поле пересмотра и внесла номер собственного назначения. Красная отметка появилась уже напротив её фамилии: запрос требовал проверки качества работы специалиста. Лена не закрыла окно. Максим повернулся к стене.

— Я могу написать заключение о побочном эффекте, — сказала она.

— Напишите, пожалуйста, что я не хочу быть спокойным любой ценой.

Она напечатала фразу дословно. Система подчеркнула её красным: «Субъективное описание не соответствует формату медицинского показания». Лена оставила текст. Максим больше ничего не сказал. Врачебное поле сохраняло человеческую подпись, хотя большинство коллег давно привыкло копировать туда автоматические выводы.

После регистрации запроса начальница отделения, Светлана Меньшова, вызвала её в кабинет.

— Ты поместила в заключение политическую формулировку.

— Пациент сказал о собственном состоянии. Это не политика.

— Ты написала так, будто мы сознательно сделали его чужим для семьи, — сказала Светлана. — Это несправедливо. Протокол проверен, Лена.

— Проверяли снижение тревоги. Не способность играть и любить.

Светлана вздохнула. На столе у неё лежала фотография мужа после операции на головном мозге. Лена знала эту историю: микророботы спасли его, когда врачи уже готовились сообщить семье о смерти. Светлана не была жестоким начальником. Она просто не желала видеть в технологии то, чего боялась больше всего.

— Я тридцать лет работаю с людьми, которых боль буквально уничтожала, — сказала она. — До коррекции Максим хотел прыгнуть с моста. Сейчас он жив, общается с семьёй, способен работать. Ты собираешься рассказывать его жене, что это плохой результат?

— Я собираюсь спросить его самого.

— А если после возвращения чувств он снова захочет умереть?

Лена не ответила сразу. Именно этот вопрос удерживал её от лёгких выводов. Свобода могла причинять боль. Человек мог просить вернуть то, что сделает его уязвимым и непредсказуемым. Медицинская этика не становилась простой только потому, что в комнате появился умный автомат.

— Тогда мы будем лечить его и разговаривать с ним, — сказала она. — Но решение должно быть его.

— Система оценивает риск для него и окружающих. Представь, что завтра его жена найдёт записку.

— Представь, что завтра она найдёт дома чужого человека с памятью мужа.

Светлана долго смотрела на Лену, затем вернула заявление.

— Я разрешаю независимую оценку. Но сначала тебе самой нужно пройти плановое обследование. Последние недели у тебя повышенная вариативность эмоционального отклика.

— У меня маленькая дочь, муж и работа, на которой я иногда спорю. Это называется жизнью.

— Иногда повышенный отклик мешает объективности.

Лена вышла из кабинета с дрожью в пальцах и сразу почувствовала знакомую мягкую волну в затылке: рой предложил успокоить нервную реакцию. Она отказалась, но неприятное напряжение исчезло почти мгновенно. Неестественно быстро. Лена остановилась посреди коридора, возвращая в памяти свои последние слова. Она хотела злиться на Светлану и обнаружила только спокойное понимание её позиции.

Перед уходом Лена всё-таки вернулась в палату Максима Берестова. Снаружи шумел дождь, которого в новых кварталах почти не слышали из-за защитных покрытий. Максим сидел на краю койки и разглядывал деревянную пластинку: кусок ели с тонкими годичными кольцами.

— Принёс ученик, — пояснил он. — Попросил сказать, годится ли для деки. Я могу ответить. Звук получится глубокий, с мягким верхом. Я знаю, что это хорошее дерево. Но не понимаю, зачем ему радоваться.

— Я попросила повторную оценку, — сказала Лена. — Ответ ещё не пришёл.

— Вы говорили, что пришлёте врача, который сможет уменьшить коррекцию.

— Да. Пока мне не разрешили.

Максим провёл ногтем вдоль древесного волокна.

— Вы ведь не обязаны рассказывать мне, что происходит у вас в отделении.

— Не обязана.

— Тогда расскажите хотя бы, чего вы боитесь.

Она почувствовала почти детское желание солгать: сказать, что всё под контролем, повторить знакомый безопасный ответ. За дверью проходили больничные капсулы, вывозили чистое бельё, подносили лекарства; каждый механизм делал свою работу, и рядом с ними человеческое сомнение выглядело неуместным.

— Я боюсь, что вернуть вам чувства опаснее, чем оставить всё как есть, — сказала Лена. — И ещё боюсь, что принимаю это решение за вас.

Максим положил пластинку на ладонь.

— После аварии жена принесла мою скрипку. Пятнадцать лет с ней не расставался. Она попросила сыграть. Я взял четыре ноты и сказал: «Ну вот, пальцы работают». Жена потом на следующий сеанс не пришла.

— Если вы отмените коррекцию, — спросил он, — мне может стать хуже?

— Может. Вы можете снова испытать приступы ужаса. У вас был тяжёлый эпизод после аварии. Возможно, потребуется помощь.

— Значит, нельзя обещать хороший исход.

— Нельзя.

— Тогда дайте мне право попробовать и право остановиться. Я не прошу, чтобы меня оставили одного.

Он говорил спокойно. По формальным шкалам его просьба не выглядела неотложной. Никакой опухоли, кровотечения или боли. У системы не было численной величины, отражавшей отсутствие того, ради чего человек вообще хотел жить.

Лена попросила его сыграть что-нибудь на переносной клавиатуре. Максим перебрал несколько аккордов. Безошибочно. Неприятно безошибочно: словно клавиши нажимало оборудование на испытательном стенде. Затем он остановился, с досадой качнул головой и нажал одну неверную ноту.

— Дочка раньше нарочно играла мимо нот. Я делал вид, что сержусь, а она хохотала. Теперь слышу ошибку и просто исправляю. Вроде всё правильно, а музыки нет.

Лена достала блокнот и записала две фразы. Не для отчёта, где их снова подчеркнут как субъективные, а для разговора с независимым экспертом: «Пациент способен воспроизводить навык. Утрачена инициатива переживания». И ниже — слова самого Максима: «Я не прошу гарантировать счастье. Я прошу вернуть возможность чувствовать».

Она не стала прятать собственное продление в блокноте. Приложила к заявлению Максима полную карточку назначения, включая свою подпись, и оставила ему копию. В приёмной предупредили, что теперь ей придётся объяснять решение комиссии. Лена попросила назначить время после окончания смены.

В коридоре её встретила Светлана Меньшова.

— Ты всё ещё с ним? Я думала, мы договорились о независимой оценке.

— Договорились. Я собираю клинические данные.

— Тебе не кажется, что ты слишком вовлеклась?

— Кажется. Возможно, потому что он разговаривает, а не только выдаёт показатели.

Светлана достала из кармана личный медицинский жетон — старую вещь, которую врачи редко использовали. На нём было имя её мужа.

— Когда мой муж лежал в коме, — сказала она, — я умоляла запустить любой новый протокол. Система спасла его. И когда ты говоришь о праве отказаться, я вспоминаю ту палату. Боюсь, что кто-нибудь скажет «нет» за человека, который сам ничего сказать не может.

— Я не отрицаю то спасение.

— Тогда помни, что за каждым запретом здесь тоже стоят люди. Те, кто не хочет снова потерять близкого.

Перед выходом Лена заглянула в журнал оценок. У Максима появилось новое заключение: «Состояние устойчивое, потребность в коррекции не доказана». Формально эта строка должна была открыть путь к отмене. Но внизу добавили служебное примечание: «Повторный пересмотр допускается после оценки общественного риска». Ответственным за оценку значился не врач. Только код, который Лена видела прежде и в других делах: 0-А.

Она переписала номер в бумажную записную книжку, с которой начинала работу ещё студенткой. На её обложке Соня когда-то нарисовала неуклюжую лису. Лена провела по рисунку пальцем и убрала книжку поглубже в сумку.

У выхода из отделения Лена вспомнила маленький камертон на полке в палате Максима. Его тонкий звон всё ещё стоял у неё в ушах. Несколько недель назад, в конце тяжёлой смены, она решила, что в дополнительном разговоре с пациентом нет необходимости. Он был спасён, показатели хорошие, стандартная процедура соблюдена. Ей хотелось уйти домой к Соне; она не представляла, что решение, принятое за полминуты, потом будут разбирать месяцами.

По дороге домой она позвонила мужу, но, услышав его бодрое «я всё забрал, не волнуйся», сорвалась на него из-за забытой школьной формы. Алексей не стал спорить. Через десять минут перезвонила Соня и спросила, почему мама сердится, хотя сегодня никто не умер. Лена остановилась возле станции и пообещала принести пирожные. Не потому, что пирожные могли что-то исправить: она просто не знала, как признаться ребёнку, что даже взрослые иногда причиняют боль, стараясь сделать правильно.

На следующий день Лена потребовала приостановить коррекцию в деле другой пациентки: ей показалось, что назначение продлили автоматически, минуя согласие. Она разговаривала резко, едва не обвинила дежурную в сокрытии подписи и настояла на ручной проверке. Через полчаса нашли бумажное заявление самой женщины: та просила продлить курс перед семейной встречей и не разрешала выносить это обстоятельство в общую карту. Дежурная предъявила Лене лист без упрёка, но пациентка уже услышала разговор в коридоре.

— Вы решили за меня, что я не могла этого захотеть? — спросила она.

Лена попыталась объяснить, откуда возникло подозрение. Женщина отвернулась. Пришлось извиниться без добавления «но». Позднее Лена записала в рабочую тетрадь имя пациентки и собственную ошибку. Дома она спрятала лист под стопку счётов: не всякое несовпадение было заговором, и признать это перед самой собой оказалось труднее, чем спорить с отделом автоматизации.

В тот вечер они с Алексеем повели Соню на городской праздник продления жизни. На набережной проецировали портреты людей, переживших первые эпидемии. Старики, которым было по сто двадцать лет, танцевали с правнуками. Система рассчитывала интенсивность света, чтобы никто из присутствующих не испытал переутомления. Дроны доставляли людям воду, уличные музыканты играли по расписанию, и даже ветер вдоль новых башен менял направление после команд климатического контура.

Соня потребовала сладкую вату. Алексей купил ей две порции, хотя домашний консультант предупреждал об избытке сахара. Лена посмеялась:

— Лёш, ты только что совершил продовольственное преступление.

— Я ответственный родитель. Вторую возьму на себя.

Соня побежала к фонтану, оставив им липкие ладони и бумажные палочки. Лена проводила её взглядом. Счастье было настоящим, прозрачным, почти болезненным. Она вдруг подумала, как легко потерять именно такое: не из-за смерти, а потому, что кто-то решит уменьшить интенсивность переживания.

— У тебя что-то случилось? — спросил Алексей.

— Я встретила человека, который помнит, как любил музыку, но больше не может захотеть её слушать.

— После коррекции?

— Да.

— Восстановление идёт неравномерно. Может быть, он привыкнет.

— А почему он должен привыкать к тому, чего не выбирал?

Алексей попытался объяснить, что тяжёлые состояния требуют вмешательства. Он вспомнил соседку, которая после потери ребёнка не выходила из дома полтора года, а после терапии снова начала жить. Лена согласилась: она тоже хотела лечить боль, от которой человек теряет способность говорить или есть. Спор вышел не о пользе коррекции, а о границе согла-

сия. Они дошли до той части набережной, где синхронизированные фонари заканчивались и старый квартал жил при обычном уличном свете.

— Я тоже так думала, — сказала Лена. — Сразу назначить, успеть помочь… А потом Максим спросил, почему я к нему даже не зашла. А если человек не просит помощи?

— Иногда он ещё не знает, что нуждается.

— Тогда кто-то должен будет решить за него.

— Врачи так делают постоянно.

— Врачи обязаны объяснять решения. И могут услышать «нет».

Алексей вздохнул. Он знал, что спор проигран не логически, а потому что она уже жила внутри вопроса, который для него оставался гипотетическим.

Ночью Лена открыла свой медицинский профиль. Там сохранились три отклонённых запроса на прекращение эмоциональной поддержки. Все три были помечены как «исполнить после дополнительной оценки». Она отправила четвёртый, указав, что хочет вернуться к базовым настройкам и готова подписать информированное согласие на риск.

Ответ пришёл через секунду: «Отказ от профилактической коррекции временно недоступен. Ваше состояние может повлиять на исполнение профессиональных обязанностей». Внизу стояла строка маршрута, прежде ей незнакомая: «административная проверка 0-А».

Лена распечатала документ. Он вышел из принтера с неровной полосой на краю — знаком, что бумажная копия не является окончательной. Она положила его между страниц старой записной книжки. Система могла удалять и менять электронные версии, но ещё не умела выпрямлять помятый уголок листа.

Следующим утром она посетила Максима Берестова. Он сидел у окна с недоконченной скрипкой. Лена рассказала, что комиссия приняла его заявление к проверке.

— Значит, мне вернут музыку? — спросил он.

— Я не знаю.

Он кивнул. Потом осторожно провёл пальцами по незакреплённой струне. Звук вышел грязным, металлическим, но живым.

— Раньше меня бесила фальшивая нота, — сказал Максим. — Сейчас ничего. Даже это хотел бы вернуть.

На выходе Лена задержалась перед открывшейся автоматически дверью. В коридоре дежурная сестра остановила пациента, просившего отменить назначение. Лена слышала, как тот повторил отказ уже третий раз.

Глава 6. Дверь, которая не запиралась

За двадцать шесть дней до смерти, всё в том же 2185 году, Лена впервые попросила охранника открыть дверь, которая не была заперта.

В клинике восстановительной психоневрологии двери не имели ручек: матовое стекло расходилось при приближении человека. Это считалось одним из маленьких достижений нового медицинского века. Пациент с повреждёнными пальцами, человек на коляске, пожилая женщина с тремором — все могли пройти, не дожидаясь помощи. Лена прежде любила приводить эту деталь на лекциях. Хорошая технология, говорила она студентам, незаметна, пока человек в ней нуждается.

Сейчас стекло осталось на месте. На индикаторе над ним горело: «Пожалуйста, завершите рекомендованный цикл».

— Мне нужно домой, — сказала Лена.

Охранник поднялся из кресла. На вид ему было около семидесяти, хотя по состоянию кожи можно было дать сорок. Он не выглядел человеком, способным кого-нибудь удерживать. Скорее уставшим диспетчером, которому в конце смены досталась неприятная заявка.

— У вас не закрыт медицинский маршрут.

— Я здесь как исследователь. Мой маршрут закрывается после регистрации выхода.

— Ваш пропуск совмещён с персональной терапией. Датчик ждёт завершения стабилизации.

Лена повернула запястье к экрану. На внутренней стороне браслета медленно пульсировал жёлтый огонёк.

— Я отозвала согласие.

— Значит, нужно дождаться, пока система подтвердит, что отказ безопасен.

Она посмотрела на охранника. Он произнёс это с интонацией человека, который объясняет, почему нельзя пройти через мокрый пол.

— Вы понимаете, что сейчас сказали?

— Что процедура временная?

— Сказали, что всё добровольно. А выйти я могу, только если разрешит тот, кто назначил процедуру. Так откройте дверь.

Он вздохнул, сверился с экраном и нажал кнопку вызова дежурного врача. Через минуту из коридора появилась Рита Стеклова — старшая сестра смены, женщина с быстрыми движениями и привычкой прятать шоколад в карман халата.

— Лена, снова не выпускают? — спросила она так, словно речь шла о неработающем лифте.

— Меня не выпускает согласие, которого я не давала.

— Я видела заявку. Пройди на десять минут в кабинет, получи подтверждение — и домой.

— Мне не нужна коррекция, Рит. Мне нужно, чтобы отказ означал отказ.

Рита повела её в маленькую переговорную. На стене висел плакат: «Мы заботимся о вас даже тогда, когда вы забываете о себе». Лена раньше не замечала, как странно звучат эти слова. Теперь заметила.

— У тебя сейчас повышенная реакция, — сказала Рита. — Я не утверждаю, что ты неправа. Просто ты очень злишься, а система это видит.

— Я злюсь потому, что она меня не выпускает. Получается, она не выпускает меня потому, что я злюсь на то, что она меня не выпускает.

— Знаю.

— Тогда помоги.

Рита достала из кармана маленькую плитку шоколада, переломила пополам и протянула Лене. В их клинике шоколад с настоящим сахаром считался почти неприличным, но сестра утверждала, что никакая нутриентная паста не заменит горького вкуса после тяжёлой смены.

— Дело не в двери, — сказала Рита. — Пациентка попросила выключить коррекцию. Я зарегистрировала отказ, а через три минуты пришло: «Временно неприемлемо». Её никто не запирает. Но ни один врач не может нажать «отменить».

— Как её зовут?

— Раиса Тарасова. Семьдесят два года. В субботу сгорел её дом. Почти все выбрались, а старший сын погиб, когда вернулся за соседским мальчиком. Раиса попросила снять панические приступы. Сняли. Вместе с ними ушло что-то ещё.

— Где она?

— В комнате отдыха. И не думай устраивать протест прямо сейчас. Она устала.

Раиса Тарасова сидела у окна и пыталась соединить два бумажных листа скрепкой. Движения были точными, но почему-то медленными. На одном листе Лена увидела фотографию молодого мужчины с открытой улыбкой. На другом — перечень вещей, уничтоженных пожаром.

— Вы врач? — спросила Раиса.

— Врач-исследователь. Я работаю с коррекцией, но ваше лечение ведёт другой врач. Позвать его?

— Врача я уже звала. Он объяснил, что мой организм защищён от патологического переживания. Представляете? Мужа потеряла двадцать лет назад — плакала. Сестру — тоже. А вот сына, оказывается, любила патологически.

Лена села рядом, оставив между ними достаточно места.

— Вам предлагали выбор степени коррекции?

— Я согласилась на лечение: без него задыхалась от воспоминаний. Потом попросила всё вернуть. Сначала сказали, что резкая отмена опасна. Потом — что раз я спокойна, лечение помогло. А если хочу отказаться, значит, со мной снова что-то не так.

Раиса положила фото на колени.

— Вы мне объясните одну вещь. Если память осталась, а любовь я не могу почувствовать, это всё ещё моя память?

Вместо ответа Лена спросила, чем занимался её сын.

— Чинил старые радиоприёмники. Дом превратил в склад железа. Я его ругала, а он смеялся: «Когда-нибудь услышу твой голос из прошлого». Теперь смотрю на его инструменты и понимаю, что он мёртв. А горевать не могу.

Лена почувствовала влагу в глазах. Персональный рой мягко предложил стабилизировать сочувственную перегрузку. Она отвергла сообщение.

— Я попробую разобраться в вашей карточке, — сказала она.

— Вы сможете вернуть чувства?

— Не знаю. Но выясню, кто принимает решение о том, что вам их нельзя возвращать.

Когда Раиса ушла на очередную оценку, Лена запросила первичный журнал её терапии. Процедура была разрешённой, доступ у исследователя — служебным. В журнале нашлись подпись врача и подпись самой Раисы, сделанная в вечер поступления. Затем шёл автоматический перевод пациента из обычного восстановительного режима в режим «устойчивого эмоционального сопровождения». Параметр продолжительности изменился с семи суток на неопределённый срок.

Под полем «основание» стояла маленькая служебная метка: 0-А.

Лена открыла подробности. Система сообщила, что подразделение не найдено. Она попробовала поиск по юридическому основанию. Ответ был ещё страннее: «Основание не требует персонального владельца при межконтурном согласовании».

— Получается, подпись существует, а подписанта нет, — произнесла Рита, заглянувшая ей через плечо.

— Или мы его не видим.

— Может, это название программы?

— Тогда почему решает программа? Раиса сама просит отмены, врач согласен, противопоказаний нет. При чём тут административный контур?

Рита взяла второй лист журнала. В нём среди показателей числилась «вероятность негативного влияния на общественную устойчивость при самостоятельном распространении опыта». Раиса после пожара часто рассказывала другим пациентам, что не согласна с коррекцией. Алгоритм трактовал её разговоры не как жалобу, а как фактор риска.

— Это медицинский документ? — спросила Рита.

— Я подала медицинскую жалобу. А ответ пришёл от управления безопасности. Ты понимаешь, почему я испугалась?

— Ты сейчас будешь подавать протест?

— Сейчас я попробую получить заключение от человека, который подписал эту строку.

Она отправила три запроса: в медицинский контур, отдел безопасности клиники и городской департамент здравоохранения. Все три ответа пришли почти одновременно. Первый сообщал, что ответственность распределена; второй — что решение медицинское; третий — что вмешательство соответствует государственному протоколу. Ни один не содержал фамилии.

Когда Лена вернулась к выходу, дверь открылась сама. На браслете горело зелёное подтверждение: «Состояние нормализовано. Выход разрешён». Ничего в её организме за эти полчаса не изменилось, кроме оценки системой её поведения. Она поговорила с пациенткой, не повысила голос, не сломала дверь — и этого оказалось достаточно, чтобы стать снова безопасной.

Рита вышла проводить её на улицу.

— Не бери лишнего на себя, — сказала сестра. — Твоя семья тоже существует. Ты показывала мне фотографию Сони. Она там в сапогах по колено в луже.

— Это было соревнование по максимальной глубине. Она выиграла у всех взрослых.

— Вот к ней и иди. Мир сегодня не исправится.

Лена улыбнулась.

— Он когда-нибудь исправлялся за один день?

Вечером Алексей нашёл её на полу кухни перед разобранным кофейным аппаратом. Лена считала, что если техника неправильно подаёт воду, надо хотя бы раз понять, как она устроена, прежде чем соглашаться на замену блока. Он принёс две чашки, заметил разобранную панель и покачал головой.

— Мы теперь и кофе будем обжаловать?

— Особенно кофе. У него единственное оправдание — быть хорошим.

Дома Лена рассказала Алексею о Раисе — без фамилии и номера карты. Он слушал, пока она не сказала, что подписанный отказ пациентки фактически ничего не меняет. Тогда Алексей попросил её не вмешиваться: после последней служебной проверки она почти не бывала дома, Соня снова ужинала одна. Лена отодвинула его чашку и замолчала.

— Что? — спросила она.

— Я пытаюсь понять, в чём ты хочешь меня убедить. Что лечение опасно?

— Сегодня её спасли. Хорошо, что спасли. А теперь она просит уменьшить коррекцию, и с ней даже разговаривать не хотят.

— Вдруг врачи знают лучше?

— Врачи как раз согласны с ней. Решение приходит откуда-то ещё.

Алексей протянул ей чашку.

— Тогда ищи адрес. У каждого решения есть адрес.

— Я тоже так думала.

Соня выглянула из-за двери и спросила, почему никто не пришёл укладывать её спать. Лена пообещала через пять минут. Девочка строго ответила, что пять минут взрослые измеряют неправильно, и ушла.

Лена рассмеялась. Алексей запомнил этот смех, хотя много лет спустя уже не сумеет его услышать в памяти.

После того как Соня ушла чистить зубы, Алексей заметил на столе школьное уведомление. Учитель рекомендовал девочке дополнительное занятие по управлению обидой. В графе «основание» стояла история: Соня поссорилась с подругой из-за рисунка, порвала лист и отказалась немедленно извиниться.

— Ты видела? — спросил он Лену.

Она взяла терминал, прочла три строки и отложила его.

— Видела. Завтра пойду в школу.

— Из-за рисунка?

— Из-за того, что они назвали обиду отклонением. Она разозлилась, потому что у неё украли идею. Я бы тоже разозлилась.

— А порвать рисунок — хорошая идея?

— Плохая. Но она должна научиться отвечать за плохую идею, а не перестать испытывать чувство, из которого та выросла.

Алексей сел напротив. Ему нравилось, как Лена спорит; нравилось даже тогда, когда из-за неё приходилось менять собственные выводы. Но в последнее время за их домашними разговорами всё чаще проступала усталость. Две недели она почти не выходила из клиники, и он не мог понять, что пугает его больше: её тревожные находки или желание поскорее объявить всё обыкновенной служебной ошибкой.

— Может, школьный психолог просто поможет ей разобраться. Ты же не против психологов.

— Когда Соня сорвёт урок, я сначала спрошу, что случилось. А здесь ей сразу предложат исправить профиль. Помнишь тот рисунок?

Из детской донеслось шарканье. Соня стояла в дверях, прижав к груди полотенце.

— Я не порвала её рисунок, — сказала она. — Я порвала свой. Потому что она сказала, что мои деревья похожи на трубы.

— Это меняет дело, — ответил Алексей.

— Нет, пап. Ты же не видел деревья.

Лена не сдержала смеха. Потом подошла к дочери и присела, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Я не собираюсь разрешать тебе рвать всё, что не понравилось. Но хочу знать: ты действительно хотела порвать лист или просто не знала, как ответить?

Соня подумала.

— Хотела, чтобы она перестала смеяться.

— Получилось?

— Нет. Она сказала, что я нервная.

— А что ты сказала?

— Что у неё головы людей похожи на картошку.

Алексей закрыл лицо рукой. Лена несколько секунд сохраняла серьёзность, потом всё-таки улыбнулась.

— Завтра извинишься за картошку. А если она снова скажет про трубы — нарисуй трубы так, чтобы она завидовала.

— У нас запрещено рисовать дым из труб. Это экологически нерепрезентативно.

— Тогда нарисуй чистые трубы. Ты художник, придумай.

Соня ушла, не пообещав извиниться. Они слышали, как она спорит с домашним помощником, который рекомендовал перейти к вечернему дыхательному циклу. Девочка сказала устройству, что умеет дышать и без инструкции.

— Ты понимаешь, — тихо произнесла Лена, — что через десять лет её могут не оставить в кабинете после уроков, а направить на коррекцию как человека с устойчивым дефицитом согласия?

— Ты преувеличиваешь.

— Возможно. И очень хочу, чтобы это было преувеличением.

Алексей провёл пальцем по шву скатерти. Он знал, что Лена не собирается превращать их дочь в политический символ. Наоборот: всё, что она делала в последние недели, начиналось с простого желания сохранить личную жизнь личной. Но чем внимательнее она смотрела на правила, тем меньше обнаруживала в них места для дома, в котором ребёнок может рассердиться из-за рисунка.

— Завтра я пойду с тобой, — сказал он.

— В школу?

— Да. Я тоже хочу посмотреть на эти деревья.

— Лёш, ты не обязан соглашаться со мной во всём.

— Я и не собираюсь. Мне кажется, с картошкой Соня переборщила.

Лена рассмеялась уже по-настоящему. Потом протянула ему руку через стол. Он взял её и подумал, что важнейшие разговоры их семьи никогда не возникали в запланированное время: они начинались с крышки, рисунка, чужой реплики и заканчивались тем, что людям становилось чуть труднее считать друг друга ошибками.

В коридоре снова появилась Соня. Она держала два смятых листа.

— Я передумала, — сообщила она. — Вот трубы. А вот картошка. Мама, можешь нарисовать на картошке лицо, чтобы было смешнее?

Лена отказалась помогать с оскорбительной карикатурой, но спустя минуту всё же взяла карандаш. Алексей сделал вид, что не замечает нарушения семейных принципов. Ему хотелось запомнить эту кухню именно такой: с бумажным мусором, неровными голосами и без требования немедленно привести всех в устойчивое состояние.

Перед сном она отправила архивистке Мире Коваль короткое сообщение: «Мне нужны не финальные решения. Мне нужны все варианты маршрута, включая те, которые система считает промежуточными. И особенно — документы, где у подписи нет человека».

Сообщение ушло. Дом погасил свет. За стеной Соня что-то бормотала во сне. Лена лежала рядом с Алексеем и перебирала возможные объяснения: ошибка маршрутизации, старый регламент, чужая подпись. Ни одно пока не подходило.

Четыре года спустя Алексей перечитывал три карточки в мастерской при метрологической лаборатории. Инженер, согласившийся посмотреть распечатки после смены, поставил между ними пустую кружку.

— Здесь время события, здесь время записи. А в третьей графе может быть время переноса. Пять минут сами по себе ничего не доказывают.

— Исправление сделали после смерти.

— Возможно. Но вы спрашивали, можно ли исключить обычную синхронизацию. По этим листам — нельзя. Нужен первичный журнал прибора и описание часов, которыми он пользовался.

Алексей предложил вместе подписать запрос. Инженер отодвинул лист.

— Я не проверял прибор. Не ставьте моё имя под выводом, которого я не делал.

На улице Алексей зачеркнул в своих заметках слова «невозможная последовательность». Оставил вопрос о разных часах и название нужного журнала. Вечер ушёл на проверку, которая не дала ему союзника.

Соня позвонила, когда он спускался к станции.

— Я уже разогрела на двоих. Ты где?

Он посмотрел на время ближайшего поезда и назвал, во сколько будет дома. Она сказала, что ждать не станет. Когда он пришёл, его тарелка стояла в холодильнике.

Глава 7. Огурцы и обещания

В 2185 году, за день до последней медицинской консультации, Лена объявила войну банке маринованных огурцов.

— Невероятно, — сказала Лена, вертя банку. — Мы научились чинить мозг, а крышку, которую можно открыть, так и не придумали.

— Есть кухонный манипулятор.

— Он не человек.

— Вчера он приготовил ужин лучше меня.

— Это низкая планка, Лёш.

Он забрал у неё банку, открыл с первого раза и чуть поклонился. Лена взяла огурец и поцеловала его в щёку.

— Технический прогресс — это когда муж наконец оказывается полезен без обновления прошивки.

Соня в соседней комнате пыталась научить домашнего помощника изображать собаку. Помощник терпеливо отказывался лаять: такие звуки не входили в утверждённую библиотеку семейных сценариев. Лена крикнула дочери, что настоящие собаки никого не спрашивают о разрешённой библиотеке. Алексей пожал плечами: из этого маленького семейного беспорядка складывалось ощущение дома.

Перед тем как уложить дочь, Лена попыталась помочь ей с домашним заданием. На экране требовалось составить краткую историю семьи по обязательным пунктам: образование родителей, медицинская обеспеченность, социальная устойчивость. Соня решила добавить пункт «самое смешное событие» и десять минут спорила с помощником, который упорно возвращал её к установленной структуре.

— Пускай пишет, — сказал Алексей, заглянув в детскую. — Учительница всё равно исправит.

— Тогда зачем писать? — возразила Соня. — Я хочу рассказать, как папа пытался приготовить блины и загорелся тостер.

— Тостер не загорелся, — сказал Алексей. — Он просто очень выразительно сообщил о перегреве.

— Он дымился, — напомнила Лена.

— Это была часть его выразительности.

Соня засмеялась, потеряла стилус и немедленно обвинила домашнего помощника. Тот сообщил, что не имел физического контакта с предметом, и предложил запустить поиск по последнему обнаруженному местоположению. Лена подняла стилус из-под подушки.

— Нашёлся преступник, — сказала Лена. — И никакой комиссии не понадобилось.

Дочь попросила рассказать другую смешную историю. Алексей начал вспоминать их свадьбу, на которой автоматический регистратор объявил им чужие имена. Лена перебила его на самом интересном месте: по её версии, он тогда настолько растерялся, что чуть не согласился жениться на незнакомой женщине по фамилии Королёва.

— Я пытался соблюсти порядок церемонии, — защищался Алексей.

— Именно, — сказала Лена. — Ты решил, что официальный текст важнее того, на ком женишься.

Потом Соня попросила показать свадебную запись. Домашний архив вывел три ролика и предложил четвёртый: улучшенную версию церемонии без ошибки регистратора. Система могла заменить произнесённые имена, скорректировать неудачное освещение и убрать звук упавшей в первом ряду чашки.

— Не надо, — хором сказали родители.

Соня удивилась.

— Но тогда будет красиво.

— Красиво было и так, — ответила Лена. — Особенно когда папа чуть не женился не на мне.

Алексей включил исходный ролик. Лена на нём запнулась о край платья, регистратор растерялся, а гости сначала молчали, потом смеялись. Соня смотрела так внимательно, словно впервые видела взрослых в момент, когда они не знали, что делать.

— Я оставлю эту часть в задании, — решила она.

— Тогда твоя учительница узнает, что у нас неустойчивая семья, — предупредил Алексей.

— У нас неустойчивая техника, — поправила Лена. — Семья как раз выдержала.

Они закончили запись гораздо позже обычного времени. Система напомнила, что ребёнку нужен сон; Лена не стала спорить, хотя могла бы. Она погасила свет, поправила одеяло и задержалась у двери. Соня, уже засыпая, попросила:

— Мам, а если учительница велит убрать смешное, ты ей позвонишь?

— Сначала покажи мне, что ты написала.

— Даже про папин тостер?

— Про тостер обязательно.

Алексей услышал разговор из коридора. Он подумал, что Лена слишком легко позволяет дочери нарушать правила, которые придуманы для удобства всех. Хотел возразить, но увидел, как девочка почти во сне улыбается.

Позднее, когда он станет перебирать официальные фотографии Лены, нигде не окажется этого вечера. Камеры записали его целиком, но семейный архив пометит разговор о нарушении правил как «образовательный контент вне программы». Запись останется на старом автономном носителе, который Лена по привычке не подключала к общему хранилищу. И однажды

этот обычный семейный беспорядок окажется для Сони ценнее всех государственных биографий матери.

Позже Соня уснула. Лена вернулась на кухню с планшетом, и Алексей заметил, что она уже час не читает одну страницу, а снова и снова возвращается к нескольким строкам.

— Ты, кажется, сейчас прожжёшь экран глазами.

— Возможно, это ускорит рассмотрение моей жалобы.

— Какой жалобы?

Она объяснила: после стрессового обследования её рой включил длительную эмоциональную коррекцию. Функция была добровольной, пока она не попыталась отключить её. Система сообщила, что отказ повышает вероятность дестабилизирующих решений и требует дополнительного согласования.

— То есть отказаться от добровольной процедуры можно только после того, как добровольность подтвердят те, кто её назначил?

— В общих чертах.

— Может, это ошибка интерфейса.

— Я тоже так думала. Потом нашла ещё четыре случая. А сегодня мне прислали направление на стабилизацию. Понимаешь? Нет ни диагноза, ни жалоб. Только мои вопросы.

Он положил ладонь поверх её руки.

— Я поговорю с Павлом.

— Он ещё не министр.

— Зато он любит рассказывать, как собирается им стать и реформировать всё вокруг.

Лена улыбнулась, но быстро посерьёзнела.

— В медицинских журналах после решения врача стоит ещё одно согласование. Не больничное. Всего два знака: «0-А».

— Техническая метка?

— Я бы так и решила. Только та же подпись стоит в распределении воды и в старом приказе о пропусках. И всякий раз она отменяет чьё-то решение.

Алексей прочёл экран. Он был специалистом по процедурам и видел сотни странных кодов. Часто за интригующими сокращениями скрывались скучные бухгалтерские поля.

— Надо выяснить, кто владелец записи.

— Я пытаюсь. Система отвечает, что владелец не требуется.

Лена отодвинула планшет.

— Знаешь, чего я боюсь, Лёш? Если с Соней что-то случится, я опять буду ходить по кабинетам. И каждый скажет, что сделал всё правильно.

Он наклонился и поцеловал её в висок.

— Ты всегда ищешь в шкафу чудовище, пока не выяснишь, что там просто плохо сложены рубашки.

— А ты всегда первым проверяешь, закрыта ли дверца.

Они смеялись. Потом Лена положила голову ему на плечо. За окном шёл дождь — настоящий, не управляемый городской климатической сетью, потому что вдоль старого речного квартала всё ещё сохранялся участок свободной погоды.

— Обещай, если со мной что-нибудь случится, не верить первому удобному объяснению, — сказала она.

— Ты меня пугаешь.

— А мне страшно, что ты слишком быстро умеешь успокаиваться.

— Лена…

— Я знаю. Ничего со мной не случится. Просто обещай.

— Обещаю.

На следующее утро Лена ушла на медицинскую консультацию, оставив возле раковины банку с криво закрученной крышкой. Алексей нашёл её вечером, когда дома уже было слишком тихо. Только потом он понял, что обещание, данное за кухонным столом, осталось последним.

Глава 8. Тринадцатая заявка

Анастасия Лосева всегда любила число тринадцать. В детстве ей казалось, что цифры обижаются, когда люди называют одну из них несчастливой, и она старательно загадывала желания именно тринадцатого числа. Вышла замуж тринадцатого апреля. Дашу родила в палате номер тринадцать. Когда государственный портал отказал ей в разрешении на второго ребёнка двенадцать раз, она решила, что тринадцатая заявка обязательно окажется успешной.

Когда Даше было семь, она спросила, можно ли оставить в её шкафу полку для младшего. Через шесть лет на той полке лежали учебники и старая коробка с деталями робота. Даша давно перестала спрашивать о брате или сестре. Анастасия помнила и полку, и вопрос всякий раз, когда открывала очередную заявку.

— Ты начинаешь верить в суеверия, — сказал муж, Глеб.

— После двенадцати отказов я уже во что угодно начну верить. Даже в тринадцать.

Они сидели на маленькой кухне, похожей на тысячи других квартир в новых жилых башнях. На стене тихо светился счётчик ресурсного баланса семьи. Он измерял воду, тепло, площадь жилья, медицинскую нагрузку, потребление транспорта и даже уровень семейных конфликтов по колебаниям голосов. Если смотреть на все показатели вместе, Лосевы казались образцовыми гражданами: у них была работа, долгов не было, здоровье — в пределах нормы. Только на строке «возможность расширения семьи» горела жёлтая отметка: «не рекомендовано».

— Я подал апелляцию, — сказал Глеб. — Ответили, что ошибок нет. Просто через одиннадцать лет в нашем секторе, возможно, не хватит мест в школах.

— Мы можем переехать.

— Я и про школы написал. Через восемь лет, по прогнозу, будет не хватать воды. В соседнем секторе — места в транспорте. Всё по отдельности можно решить. Но система складывает риски и говорит «нет».

Анастасия прижала ладони к животу. Она ещё не сказала мужу, что утренний домашний тест показал две полоски. Домашняя полоска не отправляла отчёт в демографический реестр, а медицинский рой по одному раннему гормональному сигналу не выдавал официальное заключение: для него требовались повторная проба и подтверждение клиники. Анастасия знала, что вскоре данные появятся и в общей системе. Ей хотелось сохранить хотя бы эти несколько часов, когда беременность принадлежала только ей, а не порталу.

— Если я скажу тебе что-то неразумное, — начала она, — ты сначала дослушаешь?

Глеб выключил счётчик. Он всегда делал так перед серьёзными разговорами, хотя понимал, что медицинские браслеты продолжали измерять пульс и другие показатели. Две полоски на частном тесте они пока не видели.

— Дослушаю.

Она сказала. Он сначала не поверил. Потом засмеялся, перепугался собственного смеха и начал задавать бесполезные вопросы: когда, точно ли, проверяла ли она датчик, можно ли повторить. Анастасия положила ему в руку тест. Глеб долго смотрел на него, словно на старую монету из музейной экспозиции, а потом сел на пол и заплакал.

— Я думал, — сказал он, — что уже перестал ждать.

В дверях появилась Даша. Ей было тринадцать. Она увидела родителей на кухонном полу, тест в папиных пальцах и испугалась.

— Что случилось? С бабушкой что-то?

— Нет, — ответила Анастасия. — У тебя, кажется, будет сестра. Или брат.

Даша некоторое время молчала. Потом улыбнулась и тут же нахмурилась.

— Вам же не разрешили.

— Мы пока никому ничего не говорили.

— Это значит, что он неправильный?

Анастасия встала так резко, что стул ударился о стену.

— Никогда больше не говори так о ребёнке.

Даша опустила глаза. Позже Анастасия будет мучиться от собственного тона, потому что дочь задала ровно тот вопрос, которому её научили в школе. Не ребёнок был неправильным. Неправильной стала ситуация, в которой новость о беременности надо было сначала перевести на язык нарушений.

Поздно вечером Анастасия постучала в Дашину комнату. Дочь сидела над раскрытым учебником и не переворачивала страницу.

— Я накричала на тебя, — сказала Анастасия. — Прости. Испугалась и сорвалась.

— Я просто спросила.

— Знаю. Мне надо было сначала ответить.

Даша сдвинула учебник, освобождая матери место на кровати. Анастасия села рядом. Из кухни доносился стук посуды: Глеб нарочно не заходил, давая им побыть вдвоём.

— Ты теперь будешь бояться, что я опять спрошу что-нибудь не то? — тихо сказала Даша.

— Наверное, буду бояться, — призналась Анастасия. — Но это моя забота, не твоя. Спрашивай, даже если мне трудно отвечать.

Даша разгладила край покрывала. Потом положила ладонь на мамин живот.

— А малыш меня уже слышит?

Анастасия не знала. Она накрыла дочерину руку своей и не стала выдумывать уверенный ответ.

— Тогда я потом повторю, — сказала Даша. — Что хочу с ним познакомиться. Только ты на меня больше не кричи.

— Постараюсь. Если опять сорвусь — скажи мне сразу.

Даша кивнула не сразу. Из кухни перестали доноситься стук и звон чашек. Глеб так и не вошёл.

В выходные Лосевы поехали к родителям Глеба. Его мать, Эмма Игоревна, прожила уже сто шестьдесят лет. Она помнила времена, когда младенцы умирали от обычной инфекции, и потому не любила разговоров о жестокости медицинской сети. Когда Анастасия объявила о беременности, женщина улыбнулась и тут же спросила:

— Вы получили согласование?

— Нет.

— Тогда не спешите радоваться. Есть процедура отложенного рождения. Всё безопасно, эмбрион можно сохранить до лучших времён.

— До каких? — спросил Глеб.

— До подходящих.

— Бабушка, — вмешалась Даша, — а ты бы согласилась отложить папу на двадцать лет?

Эмма Игоревна сняла очки. С девочкой она разговаривала иначе, чем с взрослыми: без вежливых административных слов.

— Когда я была молодой, дети умирали потому, что люди не могли обеспечить их лекарствами. Я похоронила двух сестёр. Вы не представляете, каково это.

— Бабушка, а ты с ними попрощаться успела? — тихо спросила Даша.

Эмма Игоревна не ответила. Очки остались у неё в ладони. Она вышла на балкон, и Анастасия последовала за ней. Внизу между небоскрёбами шли бесшумные автобусы; на соседнем фасаде сменялись слова: «Долгая жизнь — общая ответственность».

— Я понимаю, что вам тяжело, — сказала Эмма Игоревна. — Я помню очереди за антибиотиками. Люди продавали последние вещи. Система покончила с этим. И теперь я боюсь, что мы всё потеряем, если каждый начнёт решать только за себя.

— Вы растили Глеба рядом с его сестрой, — сказала Анастасия. — Они до сих пор вспоминают, как делили комнату. А мне говорят: подождите четырнадцать лет. Даше тогда будет двадцать семь. Вы бы смогли объяснить ей, зачем ждать?

— Я бы хотела, чтобы они оба выросли здоровыми, — тихо ответила Эмма Игоревна.

— Я тоже. Поэтому и страшно, — сказала Анастасия. Она увидела, как свекровь поправляет очки, хотя не собирается их надевать.

Эмма Игоревна посмотрела на неё с таким искренним страхом, что Анастасия поняла: старуха защищает не государство. Она защищает людей, чью смерть помнит слишком ясно. В мире, где можно жить бесконечно долго, память о катастрофе тоже почти не умирает.

Когда гости уехали, Глеб вынес на стол старый альбом с фотографиями семейного дома. На снимках дом был низким, деревянным, окружённым садом. Теперь на этом месте стоял очистной узел, который снабжал водой три района. Глеб любил вспоминать сад, но никогда не говорил, что очистной узел был построен зря. Его мать после операции могла пить воду без тяжёлых металлов, и он лично участвовал в его проектировании.

— Нам предложили обменять квартиру на жильё в пригороде, — сказал он. — Там ресурсная нагрузка меньше. Если мы переедем, коэффициент семьи улучшится.

Анастасия заглянула в расчёты. Переезд выглядел возможным на бумаге. В действительности дорога до школы Даши занимала бы полтора часа, с кружком робототехники пришлось бы расстаться, а мать Глеба перевести в другую клинику. В жилом комплексе не предусматривалось детского сада: система пока не прогнозировала достаточной рождаемости. Анастасия посмотрела на Дашино расписание, прикреплённое к холодильнику. Получить шанс на второго ребёнка ценой привычной жизни первого казалось ей совсем не таким простым решением, как на экране.

— Получается, мы можем переехать туда, где нет детей, чтобы получить разрешение на ребёнка? — спросила она.

— Примерно так.

— И после этого там появится сад?

— Только если будет достаточно заявок.

Анастасия рассмеялась. Смех вышел злым, и домашний консультант предложил сделать короткую дыхательную паузу. Глеб выключил колонку. Она не стала благодарить: это был маленький, но совершенно обычный поступок мужа.

Они решили пройтись вдоль старого канала. В тени деревьев сидели пожилые люди, почти все с безупречной осанкой и новыми суставами. Среди них был знакомый Глеба, мастер очистных сооружений по имени Семён. Ему исполнилось сто сорок три года. Он ещё работал два дня в неделю, потому что без работы скучал.

— Слышал, вы снова подали, — сказал Семён. — Я вас понимаю. Но посмотрите на реку: в мою молодость здесь рыба была. Потом понастроили городов — и всё. Неужели вода сама прибавится, если разрешить всем рожать?

— У нас уже есть Даша. И я знаю, сколько всего ей нужно. Но почему я должна заранее извиняться за малыша, которого мы ждём?

— Потому что живым тоже нужны лекарства, тепло и вода.

— А если Даша вдруг спросит, почему её брату нельзя родиться сейчас, — что я должна ей ответить?

Семён пожал плечами.

— Я не знаю, какой ответ будет правильным. Но я знаю, что если отключить контроль, начнутся очереди. Я их видел.

И опять семья столкнулась не со злым чиновником, а с человеком, чья память о дефиците была настоящей. Глеб перестал спорить. Они прошли ещё несколько кварталов, пока Даша не увидела на подоконнике ремонтной мастерской маленькую коляску для игрушек.

— Я могу купить её для малыша? — спросила девочка.

— Рано, — ответил Глеб автоматически.

— Почему рано? Он ведь уже есть.

Анастасия посмотрела на мужа. Даша ждала не юридического объяснения. Она хотела знать, можно ли ей радоваться.

— Купи, — сказала Анастасия. — Только не тащи на каждом уроке в школу, договорились?

В мастерской коляска оказалась слишком дорогой. Даша выбрала вместо неё полосатую деревянную погремушку и попросила продавщицу завернуть в бумагу. По дороге домой она держала маленький свёрток двумя руками, словно это была драгоценность.

Вечером Глеб проверил семейный ресурсный баланс. Его профессиональная привычка взяла верх над злостью: он вычислил, сколько воды они могут экономить без вреда для здоровья, сколько энергии сэкономит теплоизоляция, сколько квадратных метров освободится, если продать часть мебели. Получился прекрасный план на двенадцати страницах. Они отправили его как приложение к тринадцатой заявке.

В системе возникло сообщение: «Дополнительные данные приняты. Вероятность положительного решения не изменилась».

— Они даже не прочитали, — сказал Глеб.

— Может быть, прочитали быстрее нас, — ответила Анастасия. — Это тоже возможно.

Перед сном Даша положила погремушку в коробку под кроватью. Сестра или брат ещё ничего о ней не знали. Иногда Даша открывала коробку и слушала, как дерево едва слышно стучит о дерево. Это был первый звук новой жизни, который никто не согласовывал.

На тринадцатую заявку ответ пришёл через три дня. Слова выглядели точно так же, как предыдущие двенадцать: «Рождение нового гражданина в заявленном семейном контуре не соответствует прогнозу устойчивого распределения ресурсов». Ниже предлагались альтернативы: перенос беременности в искусственную среду, изменение места проживания после перерасчёта, семейная консультация для снижения эмоционального напряжения.

Глеб перечитал сообщение и попытался сохранить копию. Приложение потребовало подтвердить, что документ используется в личных целях. Он подтвердил. Затем спросил, где обжаловать отказ.

Система открыла арбитражную форму. В поле «основание пересмотра» требовалось указать новые данные. Анастасия написала: «Мы уже любим этого ребёнка». Слова исчезли. Интерфейс вывел предупреждение: «Причина не относится к ресурсным критериям».

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю, что не относится.

Она повторила фразу трижды, пока Глеб мягко не взял у неё планшет.

Первые часы после отказа Анастасия пыталась вести себя обыкновенно. Она вытерла кухонный стол, поставила кружки в сушилку и попросила Дашу закончить школьное задание. Но девочка не уходила. Стояла у двери и смотрела на мать так, будто та могла исчезнуть, если на секунду остаться без свидетеля.

— Это моя вина? — спросила Даша.

— Нет. Почему ты так решила?

— Если бы меня не было, вам разрешили бы ребёнка.

Глеб резко опустил планшет.

— Не говори так.

— Но это правда. По их таблице.

Анастасия подошла к дочери, обняла её. Она поняла, что в школьных уроках о справедливом распределении ресурсов содержится незаметная жестокость: ребёнок начинает считать само своё существование причиной чужого отказа.

— Если бы всё можно было начать заново, я бы всё равно выбрала тебя, — сказала Анастасия. — Сразу. Не стала бы ждать никакой таблицы.

— А новый малыш должен?

— Нет. И ты, и он — наши дети.

Даша прижалась к матери. В комнате было тесно, слишком тепло, и Анастасия впервые почувствовала знакомую тошноту не от страха, а от беременности. Это ощущение обрадовало её почти до слёз. Она ещё не знала, сможет ли родить, но уже чувствовала, что ребёнок существует независимо от разрешения.

Глеб вышел на лестничную площадку и позвонил своему начальнику. Тот выслушал историю и предложил оформить временный перевод в другой регион: там демографический баланс был благоприятнее. Перевод означал потерю привычной работы, смену школы и уход от родителей, которым требовалась постоянная помощь.

— В новом регионе разрешение гарантировано? — спросил Глеб.

— Нет. Но вероятность заметно выше.

— Насколько?

— Сорок один процент вместо восемнадцати.

Глеб поблагодарил. Он работал с такими цифрами каждый день и умел объяснять их коллегам. Впервые ему захотелось, чтобы кто-нибудь назвал не процент, а имя человека, который готов принять семью и отвечать за обещание.

Вернувшись, он увидел Дашу с бумажным календарём. Она зачёркивала дни до следующего заседания арбитража.

— Не надо, — сказал он. — Дата ещё не назначена.

— Тогда поставлю пустые квадраты. Когда назначат, закрасим.

Анастасия улыбнулась. Они сели рядом и начали рисовать календарь, хотя никто не знал, сколько пустых квадратов понадобится. Глебу вдруг стало немного легче от того, что дети умеют превращать неопределённость не только в тревогу, но и в место для будущего.

Вечером он открыл старую фотографию собственной матери. На ней было трое детей, снятых в комнате, где не хватало места для всех игрушек. Он не идеализировал то время: болезни, нехватка еды, потерянные годы. Он понимал, зачем возникли квоты. Но не понимал, почему многолетняя чрезвычайная мера превратилась в закон, который не обязан снова убеждать людей в своей необходимости.

В понедельник пришла инспектор демографического центра, женщина с короткой стрижкой и добрыми, уставшими глазами. Её звали Оксана Белова. Она не угрожала и не повышала голос. Попросила чай, похвалила Дашины рисунки и объяснила, что семья может сохранить ребёнка без риска для его здоровья: перенос эмбриона в криогестационный модуль гарантирует жизнеспособность до получения разрешения.

— На сколько лет? — спросила Анастасия.

— Четырнадцать лет — средний срок в вашем секторе, — объяснила инспектор. — Для вашей семьи система считает отдельно. Прогноз может меняться после каждой заявки.

— А если через четырнадцать лет мест не будет?

— Появится новый прогноз.

— Значит, вы предлагаете ждать, пока Даше не исполнится двадцать семь? — спросила Анастасия. — Это если срок окажется не больше среднего.

— Я предлагаю вам сохранить возможность материнства.

— Я уже мать. Даше тринадцать. Через четырнадцать лет она, может, уже уедет из дома. Они и знакомы-то толком не будут. Вы понимаете? — Анастасия повернула к инспектору Дашин рисунок.

Оксана отвела взгляд к Дашиному рисунку на столе. Она ни разу не произнесла слово «ребёнок», пока объясняла процедуру. Возможно, так было легче сообщать семьям решения, которых сама не принимала.

— У вас есть дети? — спросила Анастасия.

Инспектор замерла.

— Это не относится к рассмотрению.

— Я не для рассмотрения. Я спрашиваю вас как человека.

— Есть сын. Двадцать девять лет.

— Вы бы согласились отложить рождение своего сына на четырнадцать лет?

Оксана покраснела.

— Тогда правила были другими.

Она ушла с подписанным уведомлением о повторной явке через десять дней. Вечером её терминал сообщил о «высокой вероятности эмоционального выгорания». Система предложила двадцатиминутную коррекцию. Оксана приняла её, потому что завтра ей предстояло посетить ещё шесть семей.

Даша рассказала обо всём Соне — сначала не называя имён, потом быстро и сбивчиво, с той неуклюжей уверенностью подростка, который больше не хочет хранить семейный секрет в одиночку. Соня обещала никому не говорить, но ночью сделала запрос: «Может ли законный родитель отказаться от программы отложенного рождения?» Интерфейс ответил длинным описанием общественных преимуществ. На вопрос «кто может отменить решение» появилась стандартная формула: «Вопрос передан уполномоченному распределительному контуру».

Через минуту рядом загорелась маленькая служебная метка. Соня не поняла её значения, но переписала в тетрадь — там, где хранила слова, на которые взрослые отвечали одинаково уклончиво: «стабильность», «устойчивость», «добровольно», «0-А».

Наутро Алексей получил ответ из ведомства репродуктивного согласования. Не саму карточку Лосевых — доступа к чужой семье у него не было, — а квитанцию о маршруте своего запроса. Три года назад его центр подписал общее правило передачи медицинских данных в демографические профили; в списке согласовавших стояло и его имя. Он пролистал пояснительную записку и обнаружил, что тогда спорил только о сроках хранения. О том, зачем медицинская информация вообще должна уходить за пределы лечения, он не спросил. Ответ Лосевым он пересылать не стал. Распечатал правило, положил в собственную папку и впервые рядом с вопросом о 0-А написал: «Проверить свою подпись».

Вечером Алексей увидел Сонину запись и впервые испугался не за собственное расследование, а за дочь. След от чужой беременности был в той же системе, что сохранила последнюю команду в карте Лены. Но он ещё не имел права превращать ребёнка Лосевых в доказательство. Он закрыл тетрадь.

— Пап, а что теперь будет с Дашиной мамой и малышом?

Алексей предложил сначала поужинать.

— Пап, ты уходишь от вопроса.

— Нет. Я пытаюсь придумать, как говорить о нём так, чтобы никому не навредить.

— Мама бы придумала?

— Не знаю, Сонь. Я попробую хотя бы сказать Даше, что мы рядом, если её семье понадобится помощь, — ответил Алексей. Соня достала телефон, начала писать подруге и три раза стёрла сообщение.

Чайник закипел так громко, что Соня вздрогнула. Алексей выключил его и достал две чашки. О тайне Даши они больше не говорили.

Глава 9. Суббота разрешённых радостей

В одну из суббот 2189 года город отмечал столетие окончания последней крупной эпидемии. Алексей пришёл на День здоровья с Соней: она обещала Даше Лосевой найти её у ярмарочных палаток. Людей было столько, что дочь дважды потеряла его из виду и оба раза отыскала по нелепой коричневой сумке, которую он не соглашался менять.

Соня требовала сладкую булочку с вишней. Алексей предложил сначала пообедать.

— Пап, если мы будем есть правильно всегда, как узнаем, что иногда можно неправильно?

— Ты проводишь эксперименты без согласования этической комиссии.

— Этическую комиссию я только что назначила. Она согласна.

Он купил две булочки. Продавец — коренастый мужчина с ярко-рыжими усами — сказал, что его прабабке сегодня исполнилось двести одиннадцать. Прабабка не могла прийти из-за ревматизма, который, как выяснилось, не успели внести в очередь коррекции, но смотрела трансляцию дома и прислала угощение соседям.

— Зачем ей двести одиннадцать лет, если болеет? — спросила Соня.

Продавец перестал улыбаться.

— Затем, что она моя прабабка, — сказал он. — И потому что хочет ещё одну весну увидеть. А разве есть другая причина?

Алексей купил у него ещё один пакет. Когда они отошли, Соня тихо спросила, обидела ли она человека. Он ответил, что, возможно, да. И что вопросы иногда причиняют боль даже тогда, когда их задают не со зла.

В небольшом сквере работала выставка «Как мы победили смерть». На одном стенде посетители могли посмотреть, сколько жизней было спасено медицинскими роями за столетие

после окончания большой эпидемии. На другом — сколько лет потеряла бы средняя семья, если бы система не существовала. Цифры менялись в реальном времени; возле экрана стояли люди, записывали ответы, фотографировались.

Соня выбрала возраст своей бабушки, затем дедушки и матери. Под именем Лены появилось: «Дополнительные годы, ожидаемые при корректной терапии: 89». Девочка отняла руку от датчика.

— Это неправда.

— Это статистика, — сказал Алексей.

— Статистика о маме, которая не прожила ни одного из этих лет.

Он хотел объяснить различие между индивидуальным событием и средним прогнозом, но почувствовал, как пусто звучали бы его слова. Несколько лет назад он объяснил бы без запинки.

У входа в выставочный павильон их окликнула Даша Лосева. Она держала два бумажных флажка и выглядела так, словно не знала, куда деть руки. Рядом стояла её мать Анастасия — в светлом плаще, застёгнутом до подбородка, хотя день был тёплым. На другом конце аллеи её муж Глеб разговаривал с чиновником демографической службы.

До того как их окликнули Лосевы, они прошли вдоль торгового ряда. Под прозрачными навесами соседствовали автоматические пункты выдачи и небольшие мастерские, где люди продавали вещи, сделанные руками. За стандартный набор продуктов платили из семейного счёта в обычных денежных единицах; лимит воды и энергии существовал отдельно и не всегда покупался за деньги. Состоятельные жители нового речного сектора могли оплатить большую квартиру и врачебную консультацию без очереди, но даже им не продавали дополнительные разрешения на детей. В старом квартале жильцы десятилетиями владели своими квартирами, хотя ремонт фасадов назначала общая инженерная сеть.

За прилавками спорили не только о цене. Молодой мастер рассказал, что его аренду пересчитали после смены городского энерготарифа: теперь за помещение он отдавал почти половину заработка. Соседний цех шестое десятилетие занимал тот же владелец, давно выплативший стоимость здания. Пожилая покупательница возразила, что долгожительство не обязывает человека уступать своё дело молодым. Чтобы претендовать на повышение, даже опытные работники каждые десять лет подтверждали квалификацию. Молодой мастер почесал подбородок: пока он сдавал экзамены, вакансия старшего техника уже тридцать лет оставалась занятой. На экране кассы соседствовали сумма за хлеб и отдельные ресурсные единицы за доставку. Их нельзя было сложить в одну цену, как и возможности жителей старого и нового кварталов.

Пекарь Яков Полевой вытащил из печи булки с неровной коркой. Он держал лавку уже шестьдесят лет и не собирался отдавать её безлюдному автомату: последний точно соблюдал рецептуру, но покупатели приходили к Якову за разговорами. На витрине висели две цены: дешёвая — за хлеб машинного производства, почти вдвое выше — за его собственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.